

Владимир Александрович ДАВЫДЕНКО¹
Елена Владимировна АНДРИАНОВА²
Марина Владимировна ХУДЯКОВА³

УДК 316.4

СОВРЕМЕННЫЕ МИРОВЫЕ КОНТЕКСТЫ СОЦИОЛОГИИ СЕЛА В РЕАЛИЯХ РОССИЙСКОЙ СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ*

¹ доктор социологических наук, профессор,
начальник научно-исследовательского центра,
Тюменский государственный университет
v.a.davydenko@utmn.ru; ORCID: 0000-0001-8389-4254

² кандидат социологических наук, доцент,
заведующий кафедрой общей и экономической социологии,
Тюменский государственный университет;
старший научный сотрудник Западно-Сибирского филиала
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (г. Тюмень)
e.v.andrianova@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-7769-9206

³ кандидат социологических наук,
доцент кафедры общей и экономической социологии,
Тюменский государственный университет
m.v.khudyakova@utmn.ru; ORCID: 0000-0001-5280-2935

Аннотация

Данная статья представляет собой критическое введение в социологию сельской местности на основе переосмысления и реинтерпретации современных мировых контекстов социологии села и фактуального представления реалий российской

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00087 «Институциональные факторы и формы развития сельских территорий».

Цитирование: Давыденко В. А. Современные мировые контексты социологии села в реалиях российской сельской жизни / В. А. Давыденко, Е. В. Андрианова, М. В. Худякова // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Том 6. № 3 (23). С. 79-129.
DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-3-79-129

сельской жизни на примере использования качественных методов обработки глубинных интервью на юге Тюменской области. Статья опирается на классическую и современную научную литературу по сельским сюжетам, а также на теоретические и методологические подходы, доминирующие в каждом из них. Научный подход, применяемый в этой статье, основан на интеракционистской теории и социальном конструкционизме, сопряженных с подходами в экономической социологии, и опирается на растущий статус качественных методов, применяемых не только в сельской социологии, но и в социальной географии, предлагает альтернативу популярным подходам политической экономии и социологии постмодернизма. В качестве средства обоснования дискуссии и критики рассматриваются тематические исследования по современным сельским проблемам. Кроме того, в статье представлены первые результаты полевых исследований 2020 г. в рамках проекта, нацеленного на изучение институциональных факторов и форм развития сельских территорий юга Тюменской области. Выявлено, что имеет значение оценка актуальных проблем и перспектив функционирования двух самых значимых социальных институтов российского села — местной власти и бизнеса (предпринимательства), рассматриваемых с точки зрения доминирующих сценариев взаимодействия их интересов и ключевой роли в воспроизводстве, сохранении и обеспечении устойчивости сельских территорий.

В качестве выводов по статье предложены авторские теоретические и эмпирические результаты по обобщению и концептуализации особенностей сельской жизни с точки зрения современных социологических теорий села и мировых контекстов данной области научных знаний. Статья направлена на то, чтобы проиллюстрировать адаптируемость и универсальность сельских районов по отношению ко многим внешним потрясениям, внести свой научный вклад в обсуждение современных вызовов, проблем и возможностей, которые эти процессы открывают для областей социологии села в реалиях современной российской сельской жизни. В качестве рекомендаций, которые ожидают на современных мировых контекстах социологии села, предлагается сравнительно новый концепт сельской политики, основанной на парадигме «мест базирования» («placed-based»), заключающейся в снижении как неэффективности в производстве продукции сельского хозяйства, так и неравенства путем устранения препятствий и возможностей в конкретных местах (селах, деревнях, малых городах), особенно территорий, которые отстают от более динамичных мест базирования по ключевым ресурсам. В других терминах это «территории роста» (увеличение плотности населения при относительно небольшом сокращении или расширении обрабатываемых сельхозугодий при увеличении урожайности), «территории стагнации» (уменьшение плотности населения на фоне сокращения сельхозугодий и стагнации урожайности) и «территории сжатия» (уменьшение плотности населения при значительном сокращении сельхозугодий и стагнации урожайности). Но и по этим весьма обобщенным социально-пространственным характеристикам есть лишь приблизительные сведения, не позволяющие формировать типологии вариантов воспроизводства сельских регионов. Пространственное измерение указывает на принцип разнообразия в процессе экономических изменений и развития. Надежда состоит в том, что, адаптируя программы для устранения слабых мест

базирования и используя их сильные стороны, можно добиваться высокой отдачи от инвестиций в сельскую политику на основе дотаций, кредитов, субсидий, субвенций (Государственная программа 2020-2025). Политика мест базирования должна оказать наибольшее влияние на отстающие регионы, что приводит к сокращению региональных неравенств, к более эффективной региональной конвергенции сельских территорий. Концепция «территории роста — стагнации — сжатия» пока еще не прошла верификацию большими исследованиями. Теоретическое обоснование политики, основанной на местах базирования, опирается на экономические концепции, но добавляет пространственные, культурные, социальные и институциональные аспекты. Имеются основания полагать, что стратегия мест базирования не только поднимет отстающие регионы, но и повысит эффективность страны в целом. Тем самым, социальная политика, основанная на концепте мест базирования, может быть одним из тех инструментов, при помощи которых в развитии сельских территорий можно пытаться найти взаимодополняемость между эффективностью и справедливостью. Научная новизна заключается также в разработке понятийно-категориальной схемы, показывающей взаимодействия представителей разных ветвей власти, различных слоев крестьянства и предпринимательства как результат согласования их интересов, в формах своеобразных отражений воздействий макроакторов на соответствующих микро- и мезо- локальных уровнях, что весьма важно для отслеживания соотношения формального и неформального в жизнедеятельности крестьян как жителей сельских территорий.

Ключевые слова

Социология сельской местности, социальная география, растущий статус качественных методов, теории интеракционизма, социального конструкционизма, неоинституционализма, экономическая социология, институциональные факторы, формы развития сельских территорий, парадигма «мест базирования» («placed-based»), базовое понятие «определение ситуации», «теорема Томаса».

DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-3-79-129

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что в последние десятилетия для российского сельского хозяйства характерны сложные процессы, сопряженные с кардинальными институциональными изменениями. Агропромышленная интеграция как сочетание сельскохозяйственного производства с перерабатывающей промышленностью вела к усилению производственных и экономических связей между предприятиями различной отраслевой принадлежности в рамках всего агропромышленного комплекса. В процессе правовой деколлективизации формально ликвидированы колхозы, и юридические права на их земли основные фонды, инвентарь, скот переданы в личную собственность крестьян. Осуществляется массовая регистрация прав на землю и недвижимость (дома, коттеджи,

производственные помещения), которые по внешним признакам хотя и являются собственностью, но вместе с тем в реальной сельской жизни не обладают соответствующим юридическим статусом. Заметна концентрация и централизация земли и капитала, проявляющиеся как сосредоточение огромных богатств в руках немногих лиц — крупных собственников, в то время как широкие слои мелких и средних крестьян попадают в кабальную зависимость. Для производственной сферы сельскохозяйственной отрасли характерна холдингизация, то есть отмечается рост новых структур коммерческих организаций, включающих в себя материнскую компанию и более мелкие дочерние компании, находящиеся под их контролем. Одновременно в России выросло производство отдельных видов сельскохозяйственной продукции, что позволило выйти на мировые рынки с конкурирующими по количеству и качеству объемами предложения соответствующих продуктов. Правда, сохранялась давняя и достаточно острая проблема технологической импортозависимости, при всё большем нарастании разнообразных практик социально-экономической архаизации в ряде отраслей сельского хозяйства.

Научная проблема в представленном широком контексте формулируется как выявление и анализ противоречивых практик и реальных действий представителей разных ветвей власти, различных слоев крестьянства и предпринимательства, а также механизмов согласования их интересов как своеобразное отражение воздействий макроакторов на соответствующие локальные уровни. Такая постановка научной проблемы очень важна для отслеживания соотношения формального и неформального в жизни сельских территорий. В связи с этим, с одной стороны, возникает необходимость в признании разнообразных социологических и пространственных теоретических разработок. С другой стороны, следует преодолеть концептуальный разрыв, потенциально созданный раздвоением усилий по вертикали вдоль агропродовольственной цепочки поставок и по горизонтали, путем рассмотрения разнообразия процессов экономической и социальной реструктуризации, затрагивающих разные сельские районы.

Теоретическая и практическая актуальность научной проблемы сопряжены с тем, что реальные механизмы взаимодействия ключевых акторов, представителей властных институтов и местных сообществ нередко отличаются от нормативно установленных правил, особенно тогда, когда формальные (в основном правовые) инструменты не в состоянии решить актуальные проблемы сельских жителей. Социология рассматривалась широко — как наука для понимания и решения социальных проблем, но считалось, что в основном они существуют в городах. Иными словами, социология села была непризнаваема в двух смыслах: маргинализована отсутствием спроса со стороны сельскохозяйственного сектора, сельского общества и, что еще важнее, со стороны самой социологии, ориентированной на решение в основном «городских» проблем, связанных с жильем, здравоохранением и образованием. Новые вызовы обусловлены новым набором структурных разногласий по поводу окружающей среды, дополнительного давления на нее: конфликты в области землепользования

и новые сельские агентства и добровольные организации, возникшие после относительного упадка доминирующей ранее «функционально-продуктивистской» парадигмы в сельском хозяйстве. С точки зрения изменений, происходящих в сельской местности, она остается привлекательной площадкой для социологических исследований, как и во времена революционных перемен, которые привлекли внимание Ф. Тённиса [22] и Г. Зиммеля [47]. Новая опасность заключается в концентрации внимания на отдельных вопросах, которые больше соответствуют экологической традиции и как таковые ограничены ее основанием в вопросах политики. Однако наиболее сильной критикой социологии села является преобладание однотипных сельских исследований, которые не могут обеспечить основу для построения более общей и последовательной модели сельского общества, отражающей происходящие изменения. Акцент на отдельных вопросах, а не на теориях или методологиях, — один из недостатков, унаследованный от старой традиции изучения локальных сельских сообществ.

Цель статьи — выявление особенностей взаимодействия ключевых акторов сельских сообществ: местной администрации (местной власти), предпринимателей и жителей сельских территорий. В качестве *теоретической базы* исследования приняты неонституциональный, структурно-функциональный и экологический подходы как части современной экономической социологии, также использованы новые идеи интеракционистской теории, сопряженной с научными подходами как в экономической социологии, так и в социальной географии. Исследование опирается на фактуальную базу высокого научного статуса качественных методов. Эмпирическая часть исследования включает 50 глубинных интервью с представителями разных социальных групп сельских жителей, среди которых представители органов власти, бизнеса, некоммерческого сектора, простые жители села, проявляющие различные виды общественной и социальной активности (например, волонтеры).

Гипотеза: сельская местность, определяемая как географическое выражение и как фиксированная и ограниченная территория, привлекающая человеческое население для жизнедеятельности в конкретной локальности, не является собственно социологической дефиницией. Скорее, ее следует рассматривать как локальную социальную систему, представляющую собой совокупность социальных отношений внутри данной местности, которые могут быть изучены, проанализированы и верифицированы. Социальная жизнь района, сеть взаимосвязей, устанавливаемых между людьми, живущими в одном и том же населенном пункте, должна быть эксплицирована, то есть объективирована в жизненных мирах его жителей. Однако о содержании этих отношений можно только догадываться, основываясь на предпосылке, что место, где вы живете, определяет то, как вы живете. Такой подход позволяет в той или иной степени провести эмпирические исследования, которые могут включать в себя рассмотрение чувства идентичности между отдельными людьми, уровней взаимной идентификации, изучение «духа сообщества» и то, что всё это может быть географически распространено.

Логика статьи: после краткого обзора литературы, который определяет и задает ключевой контекст авторских рассуждений и показывает читателю состояние и движение исследований в данной научной области, для наиболее глубокого понимания проблем сельской жизни и концептуального их переосмысления в контексте современных реалий представлена авторская позиция по реинтерпретации идей четырех классиков Ф. Тённиса, Г. Зиммеля, Ф. Знанецкого и У. Томаса.

Обзор литературы

Научная традиция изучения и представления мировоззрений жителей сельской местности имеет давнюю историю. Принято считать, что первое осмысление тяжелого труда крестьянина в контексте исторического развития представлено в поэме древнегреческого поэта Гесиода «Труды и дни» (дата написания ~ 700 г. до н. э.), одним из лучших классических произведений античной литературы [12]. Среди наиболее значимых социальных признаков сельской жизни — системное описание крестьянского труда как весьма трудных работ земледельца, «тягостных летом, плохих зимою, и никогда не из приятных» [36, с. 640], приоритет упорного труда, несмотря на несправедливый суд подкупленных правителей, и идея о непрерывном ухудшении условий жизни и постепенной деградации человечества от «золотого» века до «железного».

Данный сюжет в некотором смысле напоминает современное движение в сторону архаики, но отнюдь не прогресса. У крестьянина, по Гесиоду, есть два пути: или, потеряв свой клочок земли, стать батраком, или же, разбогатев, скупать чужие участки. Закономерности социальных особенностей современного ему крестьянства он объяснял усилением социального расслоения: в конце VIII — начале VII в. до н. э. в Греции разбогатевшая аристократия закабаляет средних и мелких землевладельцев, отсюда упреки к несправедливым судьям и осуждение безнаказанных несправедливых дел. Постоянное ухудшение положения земледельцев формировало у автора своеобразное пессимистическое отношение ко всему человечеству. По легенде, Гесиод состязался с великим поэтом Гомером, и председательствующий этого состязания — царь Халкиды Панед отдал предпочтение Гесиоду, основываясь на идее, что последний повествовал о «земледелии и мире», а не «войнах и побоищах» [36, с. 565-599], ставя выше доблести воина тяжелый труд крестьянина.

Наконец, еще один научный вклад Гесиода, который он сделал в особенности концептуализации сельской жизни, — это его красочные описания сельских пространств, где он родился и жил — в Киме в Эолиде (современная Турция) с дальнейшим переселением вместе с отцом в Беотию, где позже они крестьянствовали в деревне Аскра, которая располагалась рядом со знаменитой горой Геликон (в районе Феспий в Беотии, современная Греция), что дает общее представление об истоках концепции «человеческой географии» (human geography), которая в настоящее время содержательно достаточно плотно стыкуется с современными социологическими подходами в изучении сельского хозяйства и новом переосмыслении феноменов сельских территорий.

По прошествии более двух тысячелетий после весьма весомого научно-художественного вклада Гесиода в сельскую социологию, ее предметная область безусловно стала совершенно иной в силу промышленной и генетической сельскохозяйственной революций, но в своих базовых определениях — труд крестьянина и сельская территория — не претерпела фундаментальных изменений. Гора Геликон и прилегающая к ней долина остались на том же самом месте, а проблема средних и мелких землевладельцев, которых по-прежнему продолжают практически закабалить крупные землевладельцы, сегодня, в 2020 г., никуда так и не делась.

Эта статья раскрывает научный процесс и научный интерес, в результате которых произошли изменения в изучении села, по крайней мере, за последние сто лет.

Однако поиски социологического определения понятия «сельский» или «сельская местность» оказались тщетными: они не признавались эмпирической категорией, поскольку это всего лишь «географическое выражение». По мнению Г. Ньюби (H. Newby), эти термины могут быть использованы только в качестве удобного ярлыка, но сами по себе не имеют никакого социологического значения [44, с. 8]. Он искал социологию сельской местности, или социологию сельского хозяйства, представители которой также занимались теоретизированием, поскольку «не может быть теории сельского общества без теории общества» [44, с. 9]. Однако, размышляя о социально-территориальной структуре аграрной Англии, Г. Ньюби обратил особое внимание на проблему бедняков и на процессы урбанизации сельской местности. В частности, он обнаружил, что основным эффектом и главным результатом урбанизации стало превращение сельской Англии в территорию преимущественно среднего класса. Трудно не заметить отреставрированные и/или восстановленные коттеджи и дома, парковки высшего класса на две (и более) машины, шоссе, которые теперь представляют английскую деревню. В далеком прошлом, когда сельская бедность была нормой, опыт лишений и депривации могло разделять большинство сельского населения. Но новая собственность приносит с собой не только ощущение зажиточности, но скорее чувство исключенности и отчуждения, чем открытой взаимности. Урбанизация английского села позволила новым жителям от первого лица увидеть тот образ жизни, который когда-то наблюдался лишь издали [43, с. 497].

Возвращаясь к истокам концептуализации особенностей сельской жизни в Европе, мы обращаем внимание на идеи Ф. Тённиса, Г. Зиммеля, У. Томаса и Ф. Знанецкого, детальный анализ которых представлен в основной части статьи. Предварительно подчеркнем непреходящее влияние работ Ф. Тённиса на дальнейшее развитие социологии села. В частности, предложенные им концепции *Gemeinschaft* и *Gesellschaft* исследовали переходы от «общинной» организации средневекового общества к «ассоциативной» организации современного индустриального общества [22]. Концепция *Gemeinschaft* включала в себя локальность, которая продуцировала, в свою очередь, несколько других полезных концепций: местность, местная социальная система и общность, хотя точная природа их взаимосвязей оставалась недостаточно ясной. Первоначальный акцент Ф. Тённиса заключается в том, что с формальной точки зрения *Gemeinschaft* включает

в себя любой набор отношений, характеризующийся эмоциональной сплоченностью, глубиной, непрерывностью и исполнением. Тогда как *Gesellschaft* относится к безличным, договорным и рациональным аспектам человеческого общения. Однако представить их как концептуально различные значит сделать овеществленными, то есть они перестают быть инструментами анализа, рассматриваются как реальные социальные структуры, которые можно наблюдать и проверять посредством полевых исследований. Те из социологов, кто поддерживал село-городской биполярный континуум Ф. Тённиса, описывали характеристики «городского» или «сельского» образа жизни. Такого рода исследования включали работы Г. Зиммеля «Об индивидуальности и социальных формах» и «Мегаполис/Метрополис и ментальная жизнь» [47, 48], оценка которых в свете сельской социологии дается в основной части этой статьи.

Основная теоретическая часть (теоретические подходы к изучению села)

В данном подразделе производится концептуализация особенностей сельской жизни с точки зрения мировых контекстов на основе идей классиков: Фердинанда Тённиса как отца-основателя сельской социологии, Георга Зиммеля как ключевого теоретика городской и сельской социологии, Уильяма Томаса как американского социолога-первопроходца, основателя Чикагской школы, и Флориана Знанецкого, польско-американского социолога, который в сотрудничестве с Уильямом Томасом заложил базовые основы сельской эмпирической социологии.

Возникновение сельской социологии как новой социальной науки было связано с появлением самой социологической дисциплины в конце XIX в. Сам контекст того времени и то, что впоследствии было названо промышленной революцией, представляли собой научный вызов для ранних социологов. А именно, как понималось общество до трансформации и как оно могло быть наилучшим образом концептуализировано после нее? На повестку дня вставала актуальная задача — объяснить влияние глубоких структурных изменений на социальные связи. Это означало, что первые социологические исследования касались не только городских или сельских районов, они выступали во взаимодействии, они были и тем, и другим, городскими и сельскими. Эти два измерения шли «рука об руку».

В качестве средства обоснования современной дискуссии о селе используются три тематических исследования: концепции *Gemeinschaft* (община) и *Gesellschaft* (ассоциация), предложенные Ф. Тённисом, где содержание «братев-близнецов» определяется различиями между ними [22]; обращение Г. Зиммеля к новому феномену промышленного города, когда исследователь столкнулся с аналогичными теоретическими проблемами [47, 48]; результаты конструктивного сотрудничества У. Томаса и Ф. Знанецкого по изучению сельской проблематики, которые представлены в известной объемной монографии «Польский крестьянин в Европе и Америке» (1918-1920 гг.), где, в частности, рассмотрены вопросы организации первичной группы, история жизни иммигранта, проблемы дезорганизации и реорганизации в Польше и Америке [52].

Теория сельской местности, предложенная Ф. Тённисом, направлена исключительно на отношения взаимного утверждения города и деревни и социальные конфигурации, определяемые самими различиями между ними. «Каждое такое отношение представляет собой некое единство во множественности или множественность в единстве. Оно складывается из всевозможных поощрений и послаблений, действий, которые взаимно направлены и рассматриваются как выражение воли и ее сил. Образованная таким позитивным отношением группа, воспринимаемая как существо или вещь, действия которых едины в своей внутренней и внешней направленности, называется связью (*Verbindung*). Само это отношение, и тем самым связь, понимается либо как реальная и органическая жизнь — в этом состоит суть общности (*Gemeinschaft*), — либо как идеальное и механическое образование — таково понятие общества как ассоциации (*Gesellschaft*). Общность должна пониматься как живой организм, а общество как ассоциация — как механический агрегат и артефакт» [22, с. 9-11]. Термины *Gemeinschaft* (сообщество) и *Gesellschaft* (общество) привлекались для описания контраста между доиндустриальным и постиндустриальным обществами. Автор описал подъем городского индустриализма и связанный с ним демографический сдвиг из деревни в город как влекущий за собой потерю общности (*Gemeinschaft*). Появление городского хозяйства сыграло важную роль в этом процессе: можно было говорить о *Gemeinschaft* (сообществе), включающем всё человечество, но человеческое *Gesellschaft* (общество) задумывалось как просто сосуществование людей, независимых друг от друга.

Труды Ф. Тённиса следует рассматривать как часть новой развивающейся дисциплины социологии, которая испытала влияние аграрной революции. Весь анализ Ф. Тённиса содержал критику влияния индустриализации на социальные отношения в том плане, что нарушение процесса выведения людей из привычного контекста сельской местности в анонимность города неизбежно приводило к утрате взаимодействующих (интерактивных) связей (ассоциаций) между социальными факторами. Кумулятивным эффектом, по мнению автора, был *Gesellschaft* (общество). Используемые в анализе два понятия в итоге стали отождествляться с конкретными поселениями или географическими моделями: *Gemeinschaft* — с деревней и *Gesellschaft* — с городом.

Концепция *Gesellschaft* относится к крупномасштабным, безличным, расчетным и расчетливым договорным (контрактным) отношениям, которые, как подчеркивал Ф. Тённис, усиливались в индустриальном мире за счет роста обществ (*Gemeinschaft*). Последнее было чем-то большим, чем просто знакомство и непрерывность, оно обладало и тотальностью (целостностью), которая не была простой совокупностью своих частей, но составлялась из этих частей таким образом, что они зависели от этой тотальности, и, следовательно, форма начинала обладать своей собственной реальностью и приобретать черты субстанции. Тем самым, работы Ф. Тённиса в ретроспективе дают полезную отправную точку для рассмотрения того, как социологи характеризовали сельские общества в прошлом. По своей сути, самые разнообразные формы *Gemeinschaft*

(по Ф. Тённису) — это признаки сентиментальной привязанности к обычаям и нравам «любимого места», закрепленным в традиции, которая передавалась из поколения в поколение, от семьи к семье. Поэтому церковь и семья были более важны и представлялись намного сильнее в доиндустриальном обществе, чем всё другое. Формы *Gemeinschaft* как виды социальных отношений происходили из прочных, тесных, личных отношений, которые, в свою очередь, характеризовались большей эмоциональной сплоченностью, большей глубиной чувств, большей преемственностью и, в конечном итоге, были более значимыми. Тем самым, *Gemeinschaft* подразумевал тесные связи, как экономические, так и эмоциональные, с географическим регионом, но в то же время они были тесно переплетены с глубиной и богатством личных социальных отношений. Напротив, *Gesellschaft* в широком смысле был всем, чем не был *Gemeinschaft*.

Движение к индустриализму и урбанизму для Ф. Тённиса было связано с увеличением масштаба и, следовательно, безличности общества. Эта безличность позволяла социальному взаимодействию легче регулироваться контрактом (в отличие от обязательств и ожиданий), так что отношения становились более расчетливыми и более конкретными. Однако они были также более рациональными в том смысле, что ограничивались определенной целью и конструировались определенными средствами для достижения целей. То есть социальные отношения обнажены в рамках контрактной системы, а неявная сеть обязательств и связей *Gemeinschaft* сведена на нет явным посредничеством в работе и ролях.

Георг Зиммель, будучи современником Ф. Тённиса, обратился к изучению возникающего феномена промышленного города. В частности, изучал понимание промышленного общества до его трансформации и как оно могло быть наилучшим образом концептуализировано впоследствии. Его решения должны были объяснить последствия огромных технологических достижений и технического прогресса в контексте влияний фундаментальной экономической реструктуризации и воздействий глубоких экономических перестроек на человеческие ассоциации. Исследователь поддержал идею сельско-городского биполярного континуума через множество самых разнообразных характеристик городского или сельского образов жизни. Его увлекало именно то, что «чистые типы», выявленные Ф. Тённисом, как таковые имеют универсальный характер. Социальность может принимать вид либо самого тесного эмоционального тяготения людей друг к другу, либо вид холодного, расчетливого, отчужденного поведения. Г. Зиммель образовал дихотомию: «*Vergemeinschaftung* (обобществление) / *Vergesellschaftung* (социализация)». Первое понятие является центральным в его социологии, терминология которой была сконструирована под знаком модерна. Термин *Vergesellschaftung* (обобществление) всеобъемлет все виды социального взаимодействия, а определение самой социологии дается как науки о формах обобществления [47]. Исходя из рассмотренных предпосылок, Г. Зиммель подчеркивал, что городская среда порождает особый менталитет, сопряженный в основном с интеллектом (а не с эмоциями), и, что очень важно, такой менталитет связан с преобладанием денежной экономики в городских

районах. В свою очередь, эта экономика связана с бесчувственным и безличным господством такого рода интеллекта, подразумевая, что сельская местность характеризовалась подчинением интеллекту. Аргументация этого базового положения и тем самым различения города и деревни заключалась в том, что в отношении чувственных основ психической жизни мегаполис создает глубокий контраст с жизнью маленького города и деревни (*small town and rural life*) [48].

Мегаполис требует от человека иного уровня сознания, чем сельская жизнь. Психологическая основа столичного типа индивидуальности состоит в усилении нервного возбуждения, возникающего в результате быстрой и непрерывной смены внешних и внутренних раздражителей. В сельской территории ритм жизни человека и чувственных мысленных образов протекает медленнее, привычнее и ровнее. В этой связи становится понятным утонченный характер столичной психической жизни по сравнению с жизнью маленького городка, которая больше опирается на глубоко прочувствованные и эмоциональные отношения. Однако интеллект, находясь в прозрачных, сознательных, самых высших слоях психики, является самой адаптируемой и наиболее приспособляемой из наших внутренних душевных сил. Тем самым, интеллектуальность рассматривается как защита субъективной жизни от подавляющей власти столичной жизни; интеллектуальность разветвляется во многих направлениях и интегрируется с многочисленными дискретными явлениями [48, с. 410]. В отличие от сельской территории, мегаполис всегда был центром денежной экономики. Здесь множественность и концентрация экономического обмена придают значение средствам обмена, чего не позволяла бы ограниченность сельской торговли. Денежная экономика и доминирование интеллекта связаны неразрывно.

Деньги требуют меновой стоимости, они сводят всё качество и индивидуальность к вопросу: сколько? Представляет интерес только объективно измеримое достижение. Мегаполис считается со своими купцами и покупателями, со своими домашними слугами и даже с людьми, с которыми он обязан поддерживать общение. Эти черты интеллектуальности большого города контрастируют с природой небольшого круга, в котором неизбежное знание индивидуальности порождает более теплый тон поведения, поведение, выходящее за рамки простого объективного баланса между служением и отдачей.

В сельской сфере, с точки зрения психологии малой группы, наоборот, важно, чтобы производство служило покупателю, когда он заказывает товар, так что производитель и потребитель в сельской территории очень хорошо знакомы. Современный мегаполис, однако, почти полностью снабжен продукцией и производством для рынка, то есть для совершенно неизвестных покупателей, которые никогда лично не входят в поле зрения производителя. Благодаря этой анонимности, интересы каждой из сторон приобретают безжалостную деловитость и немилосердную прозаичность, и интеллектуально расчетливый экономический эгоизм обеих сторон не должен бояться какого-либо отклонения из-за невесомости личных отношений. Денежная экономика доминирует в мегаполисе; он вытеснил последние остатки внутреннего производства и прямого товарного обмена [48].

Кроме того, деловые отношения, круги обязанностей типичного мегаполиса, в отличие от сел и малых городов, обычно настолько разнообразны и сложны, что без строжайшей пунктуальности в обещаниях и точности в услугах вся социальная структура распалась бы в неразрывный хаос. Благодаря вычислительной природе денег появилась новая точность, определенность в выявлении тождеств и различий, однозначность в соглашениях и договоренностях, в отношениях ключевых жизненных элементов. Прежде всего эта необходимость в точности реализации услуг и продуктов вызвана скоплением людей с дифференцированными интересами, которые должны интегрировать свои отношения и деятельность в очень сложный социальный организм. Наконец, для деловых отношений и исполнения обязанностей представителями типичного мегаполиса имели значения, согласно Г. Зиммелю, простые внешние факторы: большие расстояния повышали риски сорванных встреч и нереализованных ожиданий в качестве реальных итогов плохо структурированных ресурсов времени. Таким образом, техника столичной жизни немыслима без максимально точной интеграции всех видов деятельности и взаимоотношений в стабильные и безличные графики, или, говоря современной терминологией, дорожные карты.

Резюмируя различия между *Gesellschaft* и *Gemeinschaft*, Г. Зиммель сделал вывод о том, что пунктуальность, расчетливость, точность жизни навязываются сложностью и протяженностью столичного существования и тесным образом связаны с его денежной экономичностью и интеллектуальным характером. Эти черты должны также окрашивать содержание всей жизни и способствовать исключению тех иррациональных, инстинктивных, суверенных черт и импульсов, которые направлены на определение образа жизни изнутри, вместо получения общей и точно схематизированной формы жизни извне [48, с. 411-412].

Наконец, сравнивая жизнь маленького городка античности и Средних веков с современным мегаполисом, Г. Зиммель обратил внимание на барьеры движения и отношения индивида к внешнему миру, а также против индивидуальной независимости и дифференциации внутри индивидуального «Я». Чем меньше круг, образующий внешнюю среду индивида в мегаполисе, и чем более ограничены его отношения с другими, тем с большей тревогой и беспокойством этот социальный круг охраняет достижения, образ жизни и мировоззрение индивида. В этом отношении древний полис, по мнению Г. Зиммеля, имел характер маленького сельского городка (*small town*). Постоянная угроза его существованию со стороны врагов, издалека и ближних, вызывала строгую слаженность в политическом и военном отношении, надзор гражданина за гражданином, ревность целого к индивиду, чья частная жизнь подавлялась до такой степени, что он мог бы компенсировать это только деспотичными действиями в своем собственном доме. Огромное волнение, уникальную красочность афинской жизни можно понять в эмпирических терминах и социальных фактах, переводя их в абстрактные формулировки в том смысле, что люди с яркими индивидуализированными чертами личности боролись против постоянного внутреннего

и внешнего давления деиндивидуализированного маленького городка. Всё это и создавало ту напряженную эмоциональную атмосферу, когда более слабые люди подавлялись, а более сильные натуры побуждались проявлять себя самым страстным и героическим образом [48, с. 416-417]. По сути дела, жизнь жителей маленького сельского городка принимала суровый и тяжелый характер физического выживания, в то время как жизнь в мегаполисе принимала суровый и тяжелый характер борьбы за прибыль.

Итак, сельские территории в концепции Г. Зиммеля — это местности, находящиеся за пределами черты (границ) городских поселений, включающие села, деревни, хутора, фермы, а также все естественные и антропогенные ландшафты. В то время как города, и особенно мегаполисы, — это прежде всего центры высшего экономического разделения труда, которые углубляются с расширением городского географического пространства. Города, благодаря своим размерам, предлагают людям войти в разнообразные социальные круги, а концентрация товаропроизводителей и их борьба за потребителя вынуждает специализироваться на функциях. Решающим является то, что городская жизнь превратила борьбу с природой за средства к существованию в межчеловеческую борьбу за прибыль, которая здесь даруется не природой, а другими людьми. Специализация проистекает не только из конкуренции за прибыль, но и из того основополагающего факта, что продавец всегда должен стремиться вызвать новые и дифференцированные потребности покупателя.

Обратим внимание еще на одну позицию, позволяющую концептуализировать особенности сельской жизни. Авторами Н. Нарьковой и Н. Яковкиной дается оценка концепту аграрной социологии Ф. Знанецкого в историографии и утверждается тезис о зарождении в крестьянстве «польской традиции» [15]. Сотрудничество с американским социологом У. Томасом принесло Ф. Знанецкому мировую известность после публикации книги «Польские крестьяне в Европе и Америке» [52], которая считается основой эмпирической сельской и гуманистической социологии. После ее выхода монографический метод исследования автобиографий получил широкое распространение в мировой науке.

У. Томас, считающийся пионером биографического подхода в социальных исследованиях и исследованиях миграции, использовал методы полевых наблюдений, которые этнографы разрабатывали для изучения неграмотных обществ. Он анекдотично утверждал, что фактически несчастный случай вдохновил его на использование личных письменных материалов в качестве основных этнографических источников, когда мусорный мешок, выброшенный из окна дома в районе Чикаго, чуть не упал на голову прогуливавшегося исследователю. Мешок с мусором упал рядом с У. Томасом и разорвался на тротуаре, обнажив письмо, написанное польским иммигрантом. Следующие несколько лет он собирал устные и письменные отчеты польской общины Чикаго, воспоминания уроженцев Польши, газетные публикации, архивы организаций, личные письма, дневники и общественные документы. Часть из них он приобретал, разместив рекламу в чикагской польской прессе, предлагая, например, 10 или 20 центов

за каждое письмо, отправленное из Польши. Это яркий пример эмпирического подхода к использованию биографического материала из первых рук для измерения более широких социальных паттернов, он был одним из первых применений эмпирической этнографии в изучении социологии и говорит о методах социологических исследований, которые проводятся сегодня [46, с. 199-200].

Говоря об использовании У. Томасом и Ф. Знанецким автобиографического материала, следует подчеркнуть, что до них автобиографии активно использовались в исследованиях психологов, историков и этнографов. Но специфика подхода указанных авторов заключается в том, что автобиография рассматривается как отражение индивидуальности актора и в контексте его социального окружения (влияние семьи, профессиональной группы, определенных стереотипов национального мышления). Что же касается обращения У. Томаса и Ф. Знанецкого непосредственно к письмам крестьян, то здесь следует отдать должное научной интуиции ученых, которые обратили внимание на возникновение в крестьянской среде нового культурного явления и смогли должным образом оценить его значимость для дальнейших исследований.

Написание и получение письма в крестьянской среде в этот период по силе воздействия и социальному эффекту можно сравнить с такими общественно значимыми ситуациями, как помолвка, проводы в армию, свадьба, похороны. Письма как элементы крестьянской культуры стали возможным благодаря «размыканию» деревни и города под влиянием происходивших социально-экономических воздействий. У. Томас и Ф. Знанецкий в процессе своей научной работы не только собрали и опубликовали крестьянские письма, но также классифицировали их, выделив пять основных типов в зависимости от целей их написания: информационные, деловые, сентиментальные, обрядовые, художественные. Более того, исследователи разработали новый подход к пониманию этнической принадлежности, который во многих отношениях опередил свое время и сегодня открывается заново в контексте транснациональных исследований миграции.

Исследования, подобные их работе, привели к выводам, которые сегодня общеизвестны. Например, урбанизация ведет к «бархатному» разводу («dissolution») или растворению общей судьбы и к созданию новых идентичностей. Менее распространенный анализ лежит в исследовании социальной организации. У. Томас и Ф. Знанецкий отметили, что по мере того, как группы иммигрантов, которые они изучали (поляки), изолируются от среды, где они социализировались, и нет какой-либо формы обеспечения соблюдения социальных правил, эти социальные правила всё меньше и меньше диктуют нравственное поведение населения. Этот процесс в первую очередь влияет на социальные институты, а затем — на представления и поведение социальных акторов. Итак, результаты исследования польских иммигрантов в Америке, опубликованные в пятитомном труде У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке» (1918-1920), стали классикой эмпирической и сельской социологии, знаковым исследованием «американизации» — того, как новые иммигранты в США «становятся американцами» [52].

Для нашей темы собственного эмпирического исследования имеет значение «Теорема Томаса» и влиятельная концепция У. Томаса «определение ситуации» («если люди определяют ситуации как реальные, они реальны в их последствиях», причем неважно, верна ли интерпретация как таковая) [51, с. 572]. По мнению Роберта Мертона, который и ввел понятие «Теорема Томаса» в 1942 г., подчеркивая свою уверенность в том, что человек действует не только основываясь на объективной ситуации, но и на значении, придаваемой этой ситуации [42, с. 380], как таковой «реальной ситуации» может и не быть вовсе, но люди реагируют на свое восприятие или личное «переопределение» ситуаций и фактов. Согласно определению ситуации, прежде чем принять решение и действовать, люди обычно изучают и обдумывают события. Следовательно, «реальные» факты социальных взаимодействий — это субъективные интерпретации людьми объективной реальности: если люди считают кого-то великим, то он таков и есть.

Сама идея «определения ситуации», которая утвердилась как «фундаментальный закон социологии», впоследствии стала важной частью социального конструкционизма, противоборства символического интеракционизма и структурного функционализма. Хотя такое формирование определений по своей сути кажется индивидуалистическим, У. Томас признавал, что определения, диктующие поведение, порождены разными социальными институтами. Он поддержал идею «спонтанных» определений, которые могут изменять и модифицировать понимание собственных определений, символов и смыслов. Это происходит, когда разные люди оказываются в одной и той же ситуации или один и тот же человек оказывается в одинаковой ситуации несколько раз или в разных контекстах.

Для социологии села и сельских территорий «Теорема Томаса» модифицируется в том плане, что не только конкретные действия зависят от определения ситуации, но вся жизненная политика и личность самого человека вытекают из ряда таких определений. Для сельскохозяйственного рабочего, фермера или руководителя районного уровня начинают работать принципы социального конструктивизма, когда акценты ставятся на различную риторику собственности («взгляды на жизнь»), излагаемую фермерами (как арендаторами, так и владельцами), их ориентацию на рынок и социальный класс, начальство (лояльность или нелояльность к нему), на сети доверия и дружбы, историческое позиционирование (с точки зрения количества, качества и размера сельскохозяйственных холдингов), что является очерчиваемыми переменными сельских исследований. Обратим внимание на то, что методы социального конструкционизма и дискурсивного прочтения крестьянских нарративов, основанные на идеях «определения ситуации» У. Томаса, в настоящее время активно развивают такие современные крупные исследователи социологии села, как В. Виноградский и его соавторы [6-10], И. Троцук с соавторами [23-26], Ж. Тощенко с соавторами, которые применили принципиально новый подход — с позиций смыслов сельской жизни [20].

Размышляя о том, как в мировой науке нарастал массив исследований о селе, выдающийся современный британский аграрный экономсоциолог Т. Марсден

счел необходимым выделить ключевые макроособенности (key macro features), рассматривая их как ряд контекстуальных парадоксов, что, в свою очередь, стало стимулом для появления новых научных тенденций [41].

Парадокс № 1: в то время как происходит интенсификация и диверсификация собственно социологических (эмпирических и теоретических) исследований сельской местности, наряду с ними расширяются и углубляются антропологические, культурологические, менеджеральные, психологические и экономические обследования сельских территорий и примыкающих к ним границ городских агломераций, и, учитывая постоянный рост городского космополитизма и глобализма развитых городских сообществ, происходит «урбанизация» сельской местности. Парадокс заключается в том, что при этом всё больше маргинализируются традиционные сельские сообщества и их образ жизни, несмотря на процессы их урбанизации. Данная мировая тенденция не обошла стороной российские сельские территории, где маргинализация населения приобретает всё больший размах, что убедительно доказывают коллеги — представители других научных дисциплин, а не только «чистые социологи». Наши эмпирические исследования в российских сельских регионах полностью подтвердили наличие этой мировой социальной тенденции. Наблюдается рост как «потребительской деревни», так и высокомобилизованных сетевых сообществ. Кроме того, традиционные сельские секторальные интересы уступили место более сложным экологическим проблемам и другим вопросам (например, качество продовольствия и благополучие домашних животных), а также оживили более широкое культурное и социальное понимание «пригородных границ» [39]. Это создало благодатную эмпирическую почву для понимания и дефиниции «социальной географии деревни», а также для подлинной, более разнообразной и эклектичной «социологии деревни».

Парадокс № 2: социальная наука о сельской местности выросла как активная междисциплинарная область, несмотря на институциональные ограничения, наложенные на дисциплинарные исследовательские институты и академические отделы. Начало бионаучной революции в исследовательских университетах Европы и США стало главным инвестиционным приоритетом, который значительно перевешивает прежнюю поддержку традиционных сельскохозяйственных исследований и разработок. Живучесть междисциплинарной сельской социальной науки была облегчена отсутствием стабильного «дисциплинарного дома»; новые сельские исследователи населяют географические, социологические, плановые и политологические научные школы, в то время как традиционные (дисциплинарные) факультеты экономики сельского хозяйства стали изолированными и умирающими местами для критического и теоретического сельского нарратива между дисциплинами социальных наук.

Парадокс № 3: в то время как новые процессы современности и технологии пытаются отрицать местную сельскую природу и местные сообщества, сами сельские участники (сельские акторы) и исследователи выявляют новые, альтернативные социально-экологические парадигмы местного сельского развития.

Так, традиционные агропродовольственные технологии (не в последнюю очередь генетически модифицированные культуры), а также корпоративные розничные стратегии (ритейл) применяются так, чтобы максимально продлить удовольствие «устойчивости неустойчивого» (prolong the “sustainability of the unsustainable”). То есть они продолжают в значительной степени отрицать укорененность сельской природы и усиливать технологическую «беговую дорожку» производства (the technological “treadmill” of production) и очень выгодную экономию на масштабе и стандартизации в агропродовольственном секторе. Однако значительная часть социальной сельской науки понимает значимые ответные реакции и непредвиденные обстоятельства в этом процессе, и, во многих случаях, мы становимся очевидцами появления альтернативной парадигмы развития сельских районов.

Таким образом, появилась исследовательская повестка изучения села, сопряженная с социально-экономическим, социокультурным и политическим развитием сельских территорий, применением новых технологий в сельском хозяйстве, связанных с развитием генетически модифицированных культур в агропродовольственном секторе, с разработками новых информационно-компьютерных технологий в формировании развития сельских районов [41, с. 4].

Подчеркнем, что все три очевидных парадокса сельских практик западных сообществ плавно переключались на нашу российскую почву социологии села, создавая научную проблему в понимании их устойчивости, непрерывности, операционализированности и верифицируемости. Все парадоксы очень уместны для России.

Гипотеза нашей статьи заключается в следующем: сельская местность, определяемая как географическое выражение, фиксированная и ограниченная территория, привлекающая человеческое население для конкретной локальности, не является собственно социологической категорией. Скорее, ее следует рассматривать как локальную социальную систему, представляющую собой совокупность социальных отношений внутри данной местности, которые могут быть изучены и верифицированы. Социальная жизнь района, сеть взаимосвязей, устанавливаемых между людьми, живущими в одном и том же населенном пункте, должна быть эксплицирована. Однако ничего нельзя сказать о содержании этих отношений, в отличие от *Gemeinschaft*, основанного на уникальных качествах социальной системы, хотя это позволяет провести некоторые эмпирические исследования.

Наконец, потенциально более выгодно для получения реальных социологических результатов можно было бы подойти к сельским и общинным исследованиям в понятийном контексте как к типу взаимоотношений. Это включает в себя рассмотрение чувства идентичности между отдельными людьми, уровней их взаимной идентификации, изучение «духа сообщества» и, самое главное, — описание и объяснение, какими способами все эти признаки могли бы быть географически распространены. Мы видели во многих статьях по изучению сельских территорий, что сельское сообщество как «нормативное предписание» слишком часто вмешивалось в эмпирическое описание и что в терминах типов взаимоотношений, по сути дела, никакой

систематической сельской социологии сообщества не существует. Здесь возникает проблема очень большого разнообразия сельских территорий, которые на самом деле достаточно сложно типологизировать, в частности, алгоритмизировать транскрипты глубинных интервью в силу их привязки к конкретной местности. То, что подход к изучению сообществ обозначен здесь как традиция, в большой степени связано со снижением его модности. Такую модность в социологии можно увидеть, если подход к изучению сообществ — по определению эмпирический — поместить в историческую парадигму. Проекты по изучению сообществ начала 1960-х гг. основаны на структурном функционализме, характерном для социологии того времени. Новые подходы сельских исследований создали сельскую социологию в британском контексте, основанную на предпосылке, что место, где вы живете, определяет то, как вы живете. До сих пор не было обнаружено четкой классификации, которая заменила бы сельско-городской континуум Ф. Тённиса, есть только ряд направлений исследования взаимосвязи, если таковая имеется, между локальностью, социальными отношениями и чувством идентичности [45].

С целью наиболее глубокой теоретической проработки поднятых вопросов авторами статьи изучены так называемые «Хэндбуки» по сельской социологии, сельской жизни, еде (питанию), социальной географии [32, 33, 35, 37, 38, 49, 50]. Однако их изучение в некотором смысле разочаровало. В сельских исследованиях развитых обществ, как и в других областях социальной науки, всё шире признавался «кризис», обозначаемый как «новый культурный поворот». В этой научно-практической области велась непрерывная борьба за освобождение предмета сельской социологии от ограничительных (институциональных не в последнюю очередь) рамок инерции прошлого, за принятие «более целостного» концептуального фокуса и «обновленного научного подхода», причем не только субстанционально-существенного, но и концептуально-доверительного (вызывающего доверие). Масштабные проекты новой сельскохозяйственной модернизации (генная инженерия) существенно затормозили и отодвинули на второй план тему сельских исследований в развитых обществах. В лучшем случае эти исследования имели тенденцию, в своей наиболее позитивной форме, превращать сельские территории в площадки для отработки и проведения определенного типа сельскохозяйственной модернизации, основанной на всё более интенсивных методах развития села, роста экономики за счет роста масштаба и обеспечения продовольственной безопасности. Это выражалось в том, что всё, что не вписывалось в модель по развитию сельских территорий, рассматривалось, скорее, как «проблема сельскохозяйственной адаптации/корректировки» (problem of agricultural adaptation/adjustment), а не как потенциально иной путь становления сельских районов. Сельская социология к началу 2000-х гг. всё еще рассматривалась как «второстепенное занятие» или нечто вроде «побочного шоу» (“side-show”) по отношению к основному течению (main stream), или главному социологическому дрейфу (main social science drift) социальных наук. Сельская социология в мировых контекстах до сих пор еще

не заполнила концептуальный вакуум, образовавшийся в результате распада континуума «деревня-город». Это находит свое отражение в недостаточной формулировке проблем, которые продолжают поражать эту область науки и которые лежат в основе нынешнего недуга сельской социологии.

Чтобы преодолеть эти проблемы, сельская социология могла бы извлечь уроки из своего городского аналога, отталкиваясь от целостной теории общества, где сельская местность и сельское население удачно размещаются в общем научном континууме. И, как следствие, могут разрабатываться и развиваться новые теории, связывающие социальную структуру и культуру с пространственной структурой сельских территорий. Это конструктивное пожелание, по вполне понятным причинам, ориентировано только на будущее.

Основная прикладная часть. Проблемы операционализации и верификации интересов жителей сельских территорий: на основании краткого анализа интервью

Сельские территории, включенные в различные сети (местные, региональные, национальные, международные) цепей поставок и динамику регулирования, в свою очередь, создают эмпирическую проблему для понимания моделей, социальных акторов и институтов в новых рамках. Разрабатываются различные локальные и/или нелокальные социальные конфигурации сетей и акторов, которые согласуются с отдельными сферами развития. Эти конфигурации позволяют распределять относительную власть по-разному, так что геометрия власти каждого сельского пространства создает различные процессы управления и регулирования. Чтобы релевантно рассматривать сельскую местность в ее эмпирической целостности, признавая при этом местную дифференциацию, выдвигается теоретическая задача репрезентации сельской территории. В рамках такого акцента интересы более структурного, политического уровня будут преобладать над интересами микро- и мезоподходов и интеракционных нюансов.

Современные сельские исследования территорий и сельская география связаны с реконфигурированными традиционными социальными делениями, такими как социальный класс, раса, пол, наряду с новыми темами возраста, способностей, времени и пространственности. Столкновение с онтологической анархией постмодернизма помогло уменьшить некоторые претензии на чрезмерные теоретико-эмпирические притязания «культурного поворота» («cultural turn»). Концептуальный аппарат, доступный аналитику сельской территории, обогащен новой терминологией, такой как воссоздание сельских пространств (reconstituting rural spaces) и превращение сельских территорий в товар (commodified rural spaces). «Коммодифицированные сельские пространства» — это места, где действуют ценности, экономические или социальные, но без необходимости получения каких-либо положительных выгод. Если постмодернизм предполагает отрицание возможности великой теории или достижения объяснения социального мира, и таким образом отвергается просветительский идеал прогресса, то «культурный поворот» — это влияние

постмодернистской мысли на сельскую географию, которое включало акцент на «инаковости» («otherness») и внимание к тем группам, которыми пренебрегали в прошлых исследованиях. «Культурный поворот» уделяет приоритетное внимание более качественным этнографическим исследованиям и рефлексивному мышлению. Неизбежно избирательный характер рассматриваемого здесь материала не позволяет сделать какое-либо окончательное утверждение для сельской социологии, однако нынешнее разнообразие теоретических и методологических подходов, доступных исследователю сельской местности, предполагает, что текущие исследования сельской местности характеризуются самыми разными парадигмами, а не одной парадигмой или системой мышления. Ситуация еще больше усугубляется ростом междисциплинарных исследований в сельских территориях.

Прежде чем переходить к эмпирическому анализу проведенных глубинных интервью на территории сельских поселений юга Тюменской области (2020 г.), представим обобщенную модель репрезентации, концептуальную схему, с учетом предположений, высказанных выше.

Успешность развития сельских территорий определяется по преимуществу конструктивной предпринимательской активностью в сельском хозяйстве, стратегией и тактикой собственников, наемных работников, руководства района (области) в отношении агропромышленных отраслей.

Представляемый эмпирический анализ подтвердил предположение о том, что разработка единой модели развития сельских территорий России в настоящих условиях нецелесообразна. Выводы первой полевой экспедиции сводятся к следующему. За последнее время произошло кардинальное изменение состава властных структур и спектра их полномочий, продолжилось упразднение прежних и создание новых экономических связей, усилилось зависимое положение местного самоуправления в силу его всё большей правовой и финансовой несостоятельности. При этом остаются актуальными усилия органов местной власти по преодолению хозяйственных трудностей, переориентации сельских производств на всё более рыночно-востребованные и коммерчески успешные ниши. Сохраняет свою остроту проблема отсутствия дипломированных специалистов — агрономов, зоотехников, механизаторов, врачей, учителей, молодых и активных предпринимателей. Проблемная ситуация — распространение девиантного поведения среди жителей поселений с низким уровнем экономической активности, особенно среди молодых людей. Невозможность конструктивно структурировать свое время по-прежнему является экзистенциальной проблемой на селе. Всё более расширяются зоны «черных пятен» российского сельского пространства, где процессы депопуляции приобрели практически необратимый характер.

Имеет принципиальное значение тот очевидный вопиющий факт, что из схемы взаимодействия органов власти и бизнеса полностью ушел элемент контроля снизу, или принцип обратной связи объектов и субъекта управления. Контроль идет исключительно сверху: руководители области требуют от руководителей

районов как первичных мест сельского управления территориями многочисленные отчеты, причем по разным, часто просто бессмысленным показателям. Отсюда возникает ощущение «феодалного» характера выстроенной модели власти, когда глава района полностью определяет внутреннюю политику развития ресурсов территории, исходя исключительно из своих собственных особых интересов, целей и задач с корректировкой на требования области.

Данные и методы исследования

Авторами статьи проведено интервьюирование руководителей и представителей районных администраций, глав сельских поселений, собственников и руководителей («менеджеров») сельскохозяйственных предприятий (фирм и ферм), членов областного правительства, областных и районных законодательных собраний (дум), расположенных на обследуемых сельских территориях юга Тюменской области. База данных включает 50 расшифрованных транскрибированных глубинных интервью.

Для анализа собранных интервью используем «сетку практик» взаимодействия руководства районов с представителями сельскохозяйственных предприятий (фирм и ферм), предложенную О. Б. Божковым и С. Н. Игнатовой, которые основывались на исследовании периферийных сельскохозяйственных районов нечерноземной полосы России примерно на аналогичную тему [3, 4]. Согласно авторам, выделяется 11 типов практик взаимодействия руководства сельских районов и сельхозпроизводителей: «инвестор — крупное предприятие», «инвестор — индивид», «инвестор — предприниматель», «уникальный объект», «показательное предприятие», «свой человек», «молодой руководитель», «самодостаточный предприниматель», «колхоз — фермеру», «самотек», «активная помощь плюс контроль» [4, с. 116-126]. Получается авторская «сетка практик», выявленная нарративным способом, схожая с сетевыми моделями. Таким образом можно определить перспективы развития или стагнации российского села, определить его ресурсы, обозначить точки возможного роста. Поскольку обозначенные практики есть элементы стратегии, то исходя из типа применяемой стратегии можно понять ресурсное состояние района и определить направления его движения: «сохранение и развитие сельхозпроизводства», «передача сельхозпредприятия инвестору», «избирательная поддержка», «демонстративное поведение» [4, с. 127].

На наш взгляд, предложенная модель, хотя и базируется на эмоциональных оценках, строится на реальных практиках, отражая сущностные стороны взаимодействий лиц, принимающих управленческие и хозяйственные решения. Общие характеристики этих моделей довольно трудно назвать «идеальным типом» (по М. Веберу), вместе с тем они дают правильные ориентиры для анализа эмпирического материала.

Приведем пример нарратива, отражающего сущностные черты одного из директоров частной фермы на окраине юга Тюменской области, граничащей с Казахстаном.

*Экспертное интервью № 21**(эксперт представляет категорию: бизнес, глава КФХ)*

Пол: женский. Возраст: 47 лет. Образование: высшее. Стаж работы 21 год (общий). Сфера деятельности: разведение молочного крупного рогатого скота (КРС), производство сырого молока. Численность работников за последние 5 лет: 10 чел. Тип поселения: село (население 933 чел.).

Интервьюер: Расскажите о себе, своем профессиональном становлении и опыте работы.

Эксперт: Уроженка Тюменской области... района, села... В сельской местности проживаю, как родилась, так и проживаю, то есть корни наши уходят глубоко, практически 300 лет наши предки жили на этой земле, мы, соответственно, живем на этой земле. 12 лет я проработала в школе, имею высшее образование — педагогическое, 12 лет проработала в школе учителем русского языка и литературы, а затем было свое дело, а потом работала 6 лет руководителем сельскохозяйственного предприятия, сейчас у нас свое КФХ.

Интервьюер: Расскажите, пожалуйста, как развивались Ваши предприятия, где Вы работали и работаете ли сейчас?

Эксперт: Наше КФХ ИП... представляет из себя молочное направление. У нас открыт основной вид экономической деятельности — это разведение молочного скота и производство второго коровьего молока, то есть мы ориентированы на молочное животноводство, побочное — это выращивание молодняка КРС, для того чтобы сдавать мясо. Наше поголовье составляет 314 голов — это и молодняк, и дойное стадо. Дойное стадо составляет 100 с небольшим голов, остальное молодняк, которые мы выращиваем сами на ремонт стада. Имеется у нас земля для ведения КФХ, имеется необходимая техника для того, чтобы кормить животных, заготавливать корма для них. Наши сотрудники — штат составляет 8 человек, и мы вдвоем с мужем руководим. Вот что представляет из себя наше КФХ.

Интервьюер: ...В каком году оно было образовано?

Эксперт: КФХ мы образовали в 2019 году, открыли совсем недавно, в рамках программы агростартапы получили от государства поддержку в размере 3 млн руб. для покупки животных.

Интервьюер: В текущей должности Вы также работаете с 2019 года?

Эксперт: Что касается КФХ, то здесь у меня должность и бухгалтера, и экономиста, и зоотехника. Что касается работы предыдущей, то в должности я там проработала 5 лет, что, собственно, меня сейчас еще не уволили, просто ферма изменила другое направление...

Интервьюер: Как связано полученное образование с Вашей современной деятельностью?

Эксперт: К сожалению, так бывает, не всегда образование и не всегда это совпадает, поэтому я тот пример, когда образование я получила филологическое — очень хорошее образование, но так сложилось, что из сельской школы пришлось уйти в свое плавание; мой муж тоже имеет высшее индустриальное

образование, он работал в школе, но открыл свое дело, и мы занялись семейным бизнесом, поэтому я выбрала семью и направление, чем будем заниматься все вместе, мы не могли работать отдельно. Каждому пришлось переучиваться, учиться, заканчивать курсы бухгалтеров, читать много книг, потом посещать курсы в Аграрном университете по кормлению, то есть как-то вспять поворачивается, что делать — отрабатывать процесс.

Интервьюер: Получается, у Вас есть еще дополнительное образование?

Эксперт: Конечно, как без этого.

Интервьюер: А стажировки у Вас есть какие-нибудь?

Эксперт: Я проходила в Тюменском государственном университете по зоотехнии стажировки, по кормлению животных молочного стада, по репродукции.

Интервьюер: Дайте, пожалуйста, общую оценку уровню социально-экономического развития территории, на которой Вы живете и работаете.

Эксперт: Это очень сложно... Во-первых, у нас самый отдаленный район, мы граничим с Казахстаном, являемся буферной зоной между другими районами, такой своеобразной буферной зоной. В этом трудности. Почему? Потому что до областного центра 400 километров, Казахстан для нас близко, но не так открыта граница, как это позиционируется, то есть съездить в Казахстан — это достаточно сложно, это граница, это прохождение там очереди, пункта, то есть, если ты там даже захочешь свою продукцию куда-то туда, то у тебя ничего не получится. Что касается экономического, основной вид деятельности... района — это сельское хозяйство, которое представлено двумя отраслями — это животноводство и растениеводство. В районе в основном развито молочное животноводство, сейчас появляется и импортный мясной скот, что не может не радовать. Некоторые хозяйства, опять же в рамках государственной помощи, приобретают этих животных, появляются новые породы животных — арваки, например, у нас появились. Что касается растениеводства — это сопутствующая отрасль для многих и основная, выращивание зерновых культур и заготовка кормов для тех же животных, которых нужно кормить. На территории района промышленных крупных предприятий нет, имеется рыбководство, потому как позволяет развитие отрасли, множество природных факторов, в том числе это озера. В основном в нашем населенном пункте расположены (озера) в пойме Ишима, опять же, почему именно животноводство? потому что в пойме Ишима у нас имеются пастбища и покосы, зерно и луга, поэтому всё способствует развитию именно сельского хозяйства. Что касается развития, как мне кажется, думается, какими я сведениями обладаю, есть отрасли, которые развиваются, в том числе, наверное, мясное животноводство, есть отрасли, которые не очень. Есть брать по частному сектору, у нас же еще представлено ЛПХ — личное подсобное хозяйство, в частном секторе значительно в последняя время сокращается количество поголовья животных, могу это отметить.

Интервьюер: Какая причина, почему они сокращаются?

Эксперт: Я считаю, причина заключается, в первую очередь, в том, что наш район уникален еще тем, что он у нас... много кооперативов сельскохозяйственных,

я забыла сказать, председателем одного из этих кооперативов я являюсь. Чем мы занимались? Мы занимались заготовкой кормов, сена для ЛПХ кооперативом; заготовка кормов, то есть сена, — она субсидировалась, а буквально 2 года назад было принято решение Правительством области, что субсидия сена просто приостановлена, прекращена. Что это значит? это значит то, что сено подорожало, то есть там субсидировали, и были условия продавать сено, например, не дороже 100 рублей за центнер, а субсидий не стало. Соответственно, 65 рублей мы получали субсидии по заготовке, соответственно, это затратное дело. Все затраты на ЛПХ, которое должно приобрести корма, а человек не может этого приобрести, он начинает экономику просчитывать, ему становится невыгодно держать корову, вот в чем вопрос. Соответственно, это ведет к сокращению поголовья животных на ЛПХ.

Интервьюер: Что-то еще добавите про развитие?

Эксперт: То же самое я могу рассказать и по огородам, у нас всегда было ухоженное село, со времен моего детства, все огородики были аккуратненькие, картошечка, огурчики; сейчас нет такого. Все огороды заброшены, фактически заброшены. Там какие-то небольшие маленькие участки, потому что, может, жить стали лучше, пособие социальное лучше. Что могу сказать, что деревня не процветает в этом плане, работать стали меньше.

Интервьюер: Как Вы думаете, Ваша территория развивается лучше или хуже, чем соседние?

Эксперт: Я считаю, что... район развивается стабильно, территория стабильности, во-первых, и развивается лучше. Почему? Имею права так считать... например, [называется соседний] район, если Вы возьметесь сравнивать там по многим направлениям, он от нас отстает значительно, стоит посетить районный центр наш и [называется соседний], то есть благоустроенный, ухоженный, может быть, потому что я патриот своей Родины и так говорю, может быть, но я считаю, что в нашем районе стабильнее.

Интервьюер: А если сравнить в целом в регионе, Ваша территория, считаете, как она развивается?

Эксперт: Я считаю, что по некоторым направлениям есть над чем еще работать и нашему правительству (области), и нашим руководителям района, а есть направления, которые стабильны, которые не подводят, которые так же, как и везде, есть свои проблемы, есть свои плюсы и минусы, я не считаю хуже других районов. Еще раз говорю: эта отдаленность от Тюмени, вообще отдаленность от больших городов сказывается, мы не можем реализовать свою продукцию. С молоком у нас нынче была проблема, с реализацией молока. Сейчас вроде заключили договор с нормальным заводом, работаем. Понимаете, если бы мы жили рядышком с Тюменью, у нас бы этой проблемы вообще не было, мы бы подумали об открытии какой-нибудь сыроварни, чтобы реализовать эту продукцию на том же Михайловском рынке, либо птицей бы занялись, это очень прибыльно — заниматься выращиванием птицы, но мы не можем этого делать здесь, потому что доставка птицы хороша, нужно везти птицу тоже охлажденную,

и это фермерская птица, это совсем другой вкус, совсем другие подходы, совсем другое вскармливание, не то, что в магазинах синенькие тушечки лежат. Это, естественно, сказывается: у нас, может, Казахстан и рядом, но тоже сложно увезти. Это очень сложно, причем там и цены свои, ниже наших (на порядок).

Интервьюер: Скажите, пожалуйста, на Ваш взгляд, что в наибольшей степени определяет нынешнее развитие территории и институциональную динамику? Может, это экономические факторы, социальные проекты, государственная поддержка?

Эксперт: Государственная поддержка — это поддержка, двигатель вперед для сельской местности. Я вот скажу про себя, никто бы не мечтал и не думал иметь такое поголовье животных, не будь поддержки, то есть появилась возможность получить гранты, которые сейчас сельское хозяйство, это очень правильное направление. Мы купили ферму, уже пошли и заявили на грант, имея фермы. У нас есть фермы с молочным блоком, нам есть куда ставить животных, то есть мы купили несколько единиц техники, и мы понимали, что вкладываем свои деньги, прежде всего, и готовы развиваться, естественно. Департамент видит то, что есть люди, которые готовы работать на территории, мы ниоткуда не приехали, мы здесь живем, соответственно, я думаю, такие люди будут еще. Поэтому надо тех людей, которые живут, чтобы они закреплялись за территорией. Мне очень обидно и очень досадно, и, будучи работая в школе, меня просто коробило, когда ребятишкам говорили — были такие учителя, которые говорили: «Не будешь учиться — будешь работать дояркой», и пугали этими доярками. Понимаете, это человек труда, и доярка тоже достойна уважения, нельзя так, у нас у всех разная способность. Способности ребенка; зачем ему ехать в город? Многие стараются своих детей угнать в город. Но хорошо, если ребенок способный, я за, нужно учить ребенка, но если ребенок не очень способный, вот какую-то рабочую специальность; его в город, а он в городе вообще не приживается, он вообще там отмирает как растение, стебель который — и что будет? Ладно, если он назад вернется, а если он там болтаться будет, где он там жить будет? Родители из деревни обеспечить зачастую не могут, не могут купить квартиру, значит, где-то общежитие начинают снимать. Скажите, пожалуйста, чем хуже, если ребенок жил в деревне, где он вырос, чем хуже, если бы он пас скотину, чем хуже, если бы он ее разводил, продавал, и я не понимаю этого, зачем куда-то гнать, зачем чего-то. Мы не считаем, что это зазорно, всей семьей работаем, это нормально. Мне сейчас непонятно, сейчас девушка молодая работает, а ее девчоночке 17 лет пришла, мама написала, значит, пусть она поработает, а ее из администрации прямо: нужно ехать учиться, поступать учиться, куда-то в бывшее ПТУ на повара, она говорит: я не хочу, а они всё равно говорят: надо учиться. Зачем ей учиться, я вот так думаю. Работает человек, надо — конечно, поезжай, учишься, а будет из нее повар, получится? Из нее прекрасная получается доярка-телятница. Если на это не обратят внимание, сегодня на территории области нет ни одного учебного заведения, который бы готовил ветеринарных фельдшеров.

В Курганской области есть, а на территории Тюменской области нет. Как может развиваться сельское хозяйство, животноводство без ветеринарного фельдшера, вот как? Где его взять? Из Омска? К нам не приедут они из Омска, нам нужно своих ребяташек учить. Мы до того дошли, что у нас в Аграрном университете не готовят бухгалтеров, специализированных на сельское хозяйство, а отчетность в сельском хозяйстве очень сложная бухгалтерская, очень сложный бухгалтерский учет, он не простой. У нас не готовят экономистов в Аграрном университете, нет такой возможности. Мы бы своего сына в свое время отправили бы в Аграрный университет, нам нужен был бухгалтер-экономист, но, увы, этого нет, таких направлений нет, не прошли аккредитацию. Это тоже проблема: нет специалистов, где их брать? То есть это тоже проблема для сельской местности, я считаю, что это очень большая проблема, учимся сами-сами-сами. Что можем, чего не можем — нанимаем. Сегодня еще есть у нас предпенсионного возраста ветеринарные фельдшера, а завтра их не будет, на пенсию уйдут, тоже проблема. Следующая сторона и не очень хороша, о которой бы не хотелось бы говорить, частично, и оскорблять не хочется, но это есть, есть такая частичная деградация слоев сельского населения, потому что работать не хотят, не потому что нет работы, не потому что за нее мало платят, а потому что уже работать не хочется. То есть даже если ты предлагаешь, все привыкли говорить: работы нет, едем на вахту, то есть это, пятое и десятое. Сядишь его и говоришь, давай зарплату посчитаем: сколько на вахте заработал? 32 тыс. руб. За сколько? За месяц. А месяц-то ты дома? Дома. Получается, значит, за два месяца заработал 32, ну да тогда, говорит, тогда получается так. Дальше говорю, давай дальше считать, сколько ты прокушал, сколько на дорогу, вот стоит оно, туда ехать, на эту вахту, или, может быть, дома? У нас тут сосед через три дома от нас пока ездил по вахтам, концы с концами сводил, завел 7 коров — построил дом. Поэтому что я могу сказать, здесь, если кто-то работает, кто-то к этому стремится, впрочем, как и в городе. Да, найдется — подработает, подзаработает, а если нет, то тогда пьет. Сказать о массовой деградации — это неправильно, есть и такие слои, и такие. В Тюмени я то же самое наблюдаю на Доме Оборона, у нас там квартира, там такая же история. Есть точно же такая прослойка населения в частном секторе, которые пьют — не работают.

Интервьюер: С какими препятствиями в работе Вам приходится сталкиваться в настоящее время?

Эксперт: Во-первых, если мы взяли государственные деньги, собственно, агростартап, соответственно, у нас начинается проблема, которая заключается в следующем — это отчетность. Если ты работаешь и пользуешься государственной поддержкой, соответственно, ты должен создавать массу отчетности, очень много отчетов. Отчетов, отчетов. Это сложно. Вторая проблема — это характер трудовых ресурсов, то есть недостаток нормальных ресурсов, у тебя их практически нет, в деревне всё ограничено. Мы всех знаем, нас все знают, мы не можем людей в трудовые массы выгонять, даже если они прогуливаются

как-то. Нужно вот это всё координировать, у тебя нет такой возможности, как в городе, выгонять с работы, увольнять и прочее. У нас ты в замкнутом пространстве, было бы кого, думаешь, взял бы, поменял; что делать, закрываешь глаза порой, как-то подходишь к человеку, есть какие-то другие подходы.

Интервьюер: Если нужна поддержка в бизнесе, то к кому Вы обратитесь за помощью (партнеры по бизнесу, родственники, друзья, муниципалитет/администрация, общественные организации)?

Эксперт: Смотрите, возникнут проблемы — значит, мы их должны решать сами. В сельском хозяйстве так: ты должен всё просчитать, летом у тебя есть деньги в сельском хозяйстве, зимой у тебя денег нет, потому что животные — они имеют привычку [кушать], это не машина, не автомат. То есть оно отдыхает, потом появляется у нее детеныш, потом только молоко, поэтому молочное животноводство... так. У мясников еще хуже, они вообще раз в год — осенью — имеют много-много денег, и год потом растят животных. Поэтому надеяться приходится только на себя, нужно рассчитать все свои доходы, все свои расходы. Это всё нужно знать и владеть ситуацией от и до. Чтобы заплатить людям своевременно заработную плату по закону, чтобы ее не просрочить, чтобы отпускные выплатить, нужно так распределить, чтобы у тебя не осталось никаких крупных выплат на зиму, чтобы животные были сыты, корма заготовить, заказать корма другие, мы не живем практически без комбикормов. Это эффективно работает, поэтому, пожалуйста, к кому мы будем обращаться? я думаю, что мы ни к кому обращаться не будем, мы просто будем распределять так и надеяться, что мы заплатим все налоги, получим субсидии, то есть государственная поддержка: на произведенный литр молока мы получаем субсидию, и на покупку белковых кормов для животных у нас тоже субсидия, поэтому сейчас главное, что сделать — заплатить все налоги, оформить субсидии, что, в общем-то, тоже не просто, нелегко, [взять] сдать эти субсидии, получить, а потом уже... А у кого можно просить? у банка просить. Банк не любит сельхозпредприятия, не любит с сельхозниками работать банк, брать какие-то кредиты в банке, но нет, не вариант это вообще. А надеяться на государственные силы, но государство помогает — субсидии: ходи, распределяй, что-то думай. Думай, чтобы приносило, а зачем тогда работать, если прибыли никакой не будет.

Интервьюер: Может, партнеры по бизнесу помогают?

Эксперт: Найти инвестора — это надо понимать, чего ты хочешь от ситуации. Если ты хочешь расширяться, тогда, наверное, нужен инвестор, а если ты расширяться не хочешь, а сохранить стабильность и наработать здесь, то тогда не нужен инвестор. Мы в нынешних условиях, в трудовых ресурсах, мы решили, что должны просто на тех животных отработать, что у нас есть, так, чтобы они нас кормили, то есть не держать, например, 5 сотен дойного скота, а просто нужно развести, например, 200 голов, пусть это будет 150, но чтобы это рентабельно было. Поэтому на партнеров по бизнесу (надежды) нет. Единственное, что у нас есть тут соседи-фермеры. Мы друг друга поддерживаем, кому-то что-то надо, мы можем перезанять корма, вот это у нас есть, это мы поддерживаем друг друга.

Интервьюер: Назовите, пожалуйста, основные проблемы сельской территории, где Вы работаете и живете.

Эксперт: Проблемы сельской местности в том, что, во-первых, демография, мало детей. В нашем селе в основном пенсионеры. Я очень люблю ездить в дружественное хозяйство крестьянско-фермерское, мы ездим в [название хозяйства], о, там очень много детей, когда ты въезжаешь в деревню, я помню свое детство, там играют, прыгают, бегают. У нас нет, у нас тихо, ладно, сейчас самоизоляция — с городов все понаехали: из Омска, из Тюмени гости, гости все приехали. А так в деревне тихо, а в [название хозяйства] — там еще дети есть. Первая демографическая — мало рожают, мало людей. Если раньше не было пустых домов, то сейчас как-то живут люди, заброшенные дома. Это проблема. Проблема еще, наверное, заключается в том, что образование на селе. Многие ведь уезжают, образование качественное ребенку дают, я это знаю по своему ребенку, возили ребенка за 100 километров, чтобы он учился, к репетиторам. Это тоже проблема: живя в сельской местности, в школе, где нет учителей-специалистов, разумный человек понимает, что мы живем для того, чтобы детей растить, лучше детям должно быть. У каждого вообще уехать куда-то. Что касается работы в деревне, проблема в работе, но кроме сельского хозяйства в деревне ничего не может предложить. Когда говорят: в деревне нет работы, только в колхозе — у нас любят называть так, это испокон веков, в деревне кроме сельского хозяйства и делать-то нечего, никогда заводов в деревнях не было, исторически так сложилось. Поэтому я не могу сказать, что это проблема: кто хочет, тот разведет ЛПХ, будет чем заняться.

Интервьюер: У Вас в деревне много ЛПХ?

Эксперт: Нужно исходить из определения ЛПХ. Если сейчас у человека оформлен участок для ведения ЛПХ, вот только это хозяйство будет считаться ЛПХ. А если этого участка нет, как я взяла, собственно, по кооперативу: кто личное подсобное, а кто нет, оказывается, их не так уж и много, у кого документы оформлены. Как считать. Если есть участок, у нас не сажают огород, у нас нет огорода у многих. Я лично не сажаю огород, потому что у меня нет на это времени, мне нерентабельно заниматься огородом, я в это время должна заниматься своим хозяйством и должна заниматься своей работой, у меня нет времени на огороде, полоть его и т. д. Поэтому их количество сокращается, не расширяется точно, потому что животных не очень-то [любят, чтобы был огород], нет динамики разведения животных на ЛПХ.

Интервьюер: Как Вы думаете, что должно измениться, чтобы проблемы, которые Вы сейчас назвали, были решены?

Эксперт: Как бы звучало, может быть, это не очень хорошо, вот что касается образования детей, я считаю, что многие были не согласны, многие говорили: школы закрывать нельзя и т. д. Я считаю, что (малые) школы нужно закрывать и возить детей нужно в большие школы, чтобы они получали достойное образование. Если есть одна школа, то надо, чтобы она была с нормальными учителями, с нормальной базой укомплектованной, которая бы не отличалась, чтобы не было вот этих вот ножниц между ребенком, развитым в городе, чтобы

он мог в деревне посещать кружки, чтобы не вели учителя, которые закончили заочно факультет или Институт культуры, у нас вот так в школе. Это не есть хорошо. Поэтому, чтобы этого не было, чтобы не вели учителя, которые вообще не знают английского языка, но она просто ведет английский, как ведет... это история умалчивает. Вот эту проблему нужно, закрывать нужно такие школы, нет учителя, невозможно, не поедет никто в деревню, учителей вы не заставьте ехать. Просто нужно укрупнять, чтобы ребенок — пусть его будут привозить, но в городе же есть школы, всегда она во дворе, правильно, поэтому нужно возить ребенка, чтобы он ездил в полноценную школу, к нормальным адекватным учителям, которые могли ему давать нормальные знания. Мне так кажется, то что на селе ребятишек талантливых очень много, просто негде им это раскрыть. Раскрыться негде. Я как бывший учитель говорю уже. Что касается демографической проблемы, это она везде по России. Здесь ничего не сделаешь. Что касается проблемы кадровой, здесь нужно опять же начинать из школы, формировать это из школы. Я не знаю, вы молодые, но мы учились в школе, был свой школьный огород, у нас были производственные бригады, было очень весело нам на этих бригадах, мы лето работали, потом у нас были отчеты, в сентябре слет был производственных бригад. Если смотреть сейчас, то на школьном участке даже цветочка нет, не растет, ничего нет, у ребятишек труды все эти закрыли, к нам на ферму никто не ходит. Бывало, раньше привозили ребятишек на классный час, показывать, откуда молоко берется, сейчас никто не возит, никто не спрашивает, и это воспитание, уважение к труду сельскому — оно должно закладываться с детского садика, а у нас закладывается небрежение к этому. Мы получим то, что мы получим, вообще, в будущем. Правда. Нельзя так, а если это плохо в деревне, как говорят: «Копать в навозе, зачем здесь оставаться», — это неправильно, от этого нужно уходить. Это должно быть в школе, в семье. Знаете, не в обиду нашим руководителям, день работника сельского хозяйства, я редко там бываю на этих праздниках, меня поражает, когда я, будучи директором агрофирмы [название агрофирмы], на праздник не давали ни одного приглашения директору, ни одной доярке, ни одного скотника, распределяли; для кого этот праздник, если у нас работники сельского хозяйства даже на концерт не попадают... они так же на ферме, я как директор — мне стыдно было.

Интервьюер: А кто у Вас попадает на праздники?

Эксперт: Руководители, директор попадает, меня приглашают, но я не иду, мне не очень приятно, зачем. У меня скотники, доярки работают с коровами в это время, я как могу туда идти, зачем, для чего я бы пошла? Раньше у нас были почетные доярки, комбайнеры были, механизатор, всё же это было, сейчас этого нет просто. Это тоже не есть хорошо. Поэтому это тоже, конечно, проблема; я считаю, если бы это закладывали в школе, это происходило, может быть, где-то это и есть, но у нас я этого не вижу. Я говорю, за всё время работы к нам на ферму ни разу никто не приходил, из школы, из детей никто не пришел. У нас даже были случаи, когда ребенок на ферме помогал своей маме, мама

доярка, а ребенок подносил ей воду, чтобы она мыла коров, ребенок немаленький, ребенку лет 14, а потом она приходит и говорит: «Слушайте, ко мне пришла комиссия с тем, что я заставляю работать ребенка», я была просто в шоке. А что такого, чтобы ребенок маме помогает, зачем комиссия, специально, что это такое, что вообще происходит? Конечно, для того, чтобы изменить отношение, чтобы в деревне стало лучше, ребенку не должно быть стыдно за то, что он родился в деревне, за то, что он здесь живет, за то, что у него корни здесь.

Интервьюер: Скажите, пожалуйста, как Вы думаете, Ваша организация может помочь в решении данных проблем, которые существуют у Вас в сельской местности?

Эксперт: Как мы можем помочь, мы можем с удовольствием, если к нам будут приходиться из школы с ребятами, тогда мы, наверное, мы можем рассказать, показать процесс, если бы это было интересно. Что касается трудовых кадров, да, мы можем брать на работу людей, были бы кадры, например, мы могли бы расширяться, если было бы кому работать. Но пока не происходит.

Интервьюер: Как Вы думаете, какие организации/структуры могут и должны помогать, чтобы решить проблемы, которые существуют?

Эксперт: Первая и самая важная организация — это институт образования. То есть это муниципальная власть, наша, не та, которая там в Казанском, а наша, которая у нас на селе, власть. Она должна не выстраивать преграды, а поворачиваться и к бизнесу, и к пенсионеру одинаково, например, и к ребенку. А у нас вот, честно говоря, бизнес, какие-никакие налогоплательщики всё-таки, я так думаю, мы уж точно не нахлебники у власти, мы не едим чужой хлеб, государственный, но я к себе со стороны властей не есть такое хорошее отношение, именно таких, [название поселения] администрация. Что касается властей, я думаю, совсем другой подход, наш особенно отдел АПК, просто все работают очень дружно, семья нам помогает, тем более специалисты выезжают к нам по первому звонку. Я позвоню — по первому звонку придет и зоотехник, и ветеринарный врач нам поможет. Заболевания в прошлом году были, вспышка дерматита, мы ее просто остановили все дружно, поэтому, знаете, тут просто градация происходит; а внешняя власть [название поселения] — это просто государство какое-то, они не очень-то на контакт идут, они сидят там у себя в этом здании администрации, и всё. Что касается района — совсем другой подход, поэтому мы и грант получили, потому что нас поддержали, именно в районе поддержали, потому что нас знают, нас поддержали.

Интервьюер: Есть ли примеры успешных предприятий АПК / проектов, реализуемых в Вашем поселении? Расскажите о них.

Эксперт: У нас есть АО Агрокомплекс [название агрокомплекса] в районе, очень удачный пример, самое крупное предприятие, там очень много государственных денег, но есть и другой пример — кооператив, который образовался [название кооператива], по-моему, сельскохозяйственный производственный кооператив, где руководствует... очень давно, лет, наверное, 20 его возглавляет. Пример такого стабильного предприятия, которое пережило боли, начиная,

наверное, с 1992 года они образовались — и вот до наших дней кооператив работает. Понимаете, столько организации не живут, сколько они работают. Это очень здорово, это такой пример, знаете, их не сломило, никуда не выводило, ничего, они не изменили своему предприятию и работают-работают-работают. Такой хороший вот пример, я говорю, нет там никаких грандиозных проектов, люди просто работают.

Интервьюер: Стабильно развиваются?

Эксперт: Да-да, они не берут каких-то грандиозных проектов, они не покупают импортную скотину, они просто сеют хлеб и работают с тем, что у них есть, и получают.

Интервьюер: Имеются ли примеры экологически-ориентированного производства сельскохозяйственной продукции на Вашей территории или в регионе?

Эксперт: Давайте начнем с того, у нас есть сегодня требования на молоко, буквально мы с переработчиками разговаривали, с одним из переработчиков и с другими молокопереработчиками, и все сходятся в одном: есть у нас предприятие — не буду его называть — предприятие N в Тюменской области, оно не одно, это предприятие, коровы стоят на стойловом содержании, они не пасутся, не видят зеленой травы, не видят солнца. Им дают все сбалансированные корма, их моют роботы, их доят автоматы. То есть работает 2 человека, доят, например, 1 500 животных, всё прекрасно, показатели молока нормальные, по автоматике. Наши коровы пасутся на лугу, едят зеленую траву, наши коровы могут травмировать друг друга, поэтому у нас соматика появляется в этот момент; наши коровы пасутся, приходят грязненькие, их нужно отмыть хорошо, прежде чем подоить, и т. д. Скажите, пожалуйста, какое молоко будет вкуснее? вы подогнули их под стандарты молока, но они-то зеленой травы не кушают, они кушают комбинированные корма круглый год, я считаю, что наше молоко ЛПХ, у нас всё-таки закрытая система, молоко уходит сразу в охладитель, нужно всё вымыть, качественно сделать. Тогда мы получим качественное молоко. Я думаю, что оно будет на порядок вкуснее и полезнее. То есть это наш продукт. А что касается этих нововведений, да, люди зарабатывают, вроде всё соответствует, всё хорошо, замечательно, но есть ли вкус у этого молока? Майское молоко — это майское, августовское уже другого вкуса, в январе совсем иное. Я думаю, в том цикле корова, в котором она, если там совмещает, соответственно, будет по другим месяцам вкус у молока. Я недавно абсолютно читала, перечитывала, люблю эти исторические моменты, по сливочному маслу. У Голошубина есть описание, в Омском архиве оно хранится, наш земляк, профессор Колесников Александр [Дмитриевич], забыла уже отчество, он уроженец нашего села, мы с ним работали, у нас есть книга с ним совместная «Детище», именно про... район. Так вот я, сейчас же в Интернете всё доступно из архива, раньше в архивах работала, ездила. Мне так нравится, если есть свободная минутка, я обязательно перечитываю. Читала Голошубина, который описывал наше село и местность, был очень интересный момент про масло, так вот масло Тюменской области — нынешнее

в рамках Тюменской области, тогда это губернии были — оно шло в Москву и на экспорт, майское масло, представляете. Я заинтересовалась технологией, то есть были артели, наподобие нынешних наших кооперативов, которые покупали сепараторное село, потом, значит, кто-то складывался, покупал складчинно, они, значит, делали сливки, масло, и пишут, что они их упаковывали в деревянные кадки и отправляли в Европу либо в Москву, в Москву-Европу. Говорила со своей знакомой, которая живет в Берлине, про масло, говорю: «Слушай, очень хочу твоего масла», мы делаем масло для тебя в домашних условиях, и потом рассказывает: «В Берлине покупают от фермеров масло в деревянных кадках», — она говорит. Я не знаю, из чего они, из дуба? Я говорю: «Слушай, спроси, из чего кадка-то, у нас нет дуба, в нашей местности, мы решили, осина». Я сейчас к чему говорю-то, традиции, то есть наработки есть, нет продолжения, вот о чем идет речь. Ясно, что в пачке масло, которое сейчас есть, совершенно не то, которое делали наши предки и которое очень ценилось. Вот в чем дело, естественно, оно ароматное, оно другого цвета — ярко-желтое. Сейчас в принципе в пачке белого масла не должно быть, оно должно быть ярко-желтое, но в магазине-то его нет. А если бы мы как в Германии, вот так в кадках, никакой бумаги, никакого целлофана. Просто, говорит, утрамбовано. Хочешь тебе — подсоленное, хочешь себе — сладко-сливочное. Я так же делаю, семья любит подсоленное больше, то есть такие моменты, если бы, а нас в основном считают, в основном отношении к деревенским — быдло какое-то, есть и такой момент.

Интервьюер: По Вашему мнению, есть ли заинтересованность общества (государства, бизнеса, населения) в развитии экологического производства с/х продукции?

Эксперт: Это не просто заинтересованность, это мода сейчас такая.

Интервьюер: В чем это проявляется?

Эксперт: Это мода. Фермерские продукты, экологически чистые и т. д. В-первых, смотрите, у населения, что уж говорить, качественная жизнь населения улучшилась, появилась возможность: не надо стоять в очереди в магазине, во всяком случае, даже любой пенсионер мясо курочки может купить любую, с прожилкой, я ничего не придумываю, то есть, если жизнь улучшается, люди начинают думать. Попробовали раз-два-три, и тут уже начинают задумываться, кто постарше, те вспоминают, раньше вкус был не такой, на чем эта курочка выращена, вопрос: а что она ела? А потом, когда покупаешь на рынке, можно сходить на рынок, можно увидеть на рынке, у нас закупают, дома мы держим бройлеров для себя, иногда излишки продаем, бывает, просят, просто просят, к Новому Году особенно. У них вкус другой, цвет другой, супчик другой, бульончик красивый — желтенький, не бледный, пошло-поехало, понимаете. Соответственно, экологический (продукт). Иногда это рекламный трюк, просто рекламный трюк: говорят, экологически чисто, в основном-то в деревне, если брать подворье, то мы же не будем покупать регуляторы роста (хотя они тоже есть сейчас), проставлять какие-то гормоны, может, что-то есть, этим вряд ли кто будет заниматься,

соответственно, продукция получается, я привела Вам даже пример с маслом, как делают масло — технологии разные, как его сделаешь дома и как сделают на заводе, сырье качественное, в молочное что попало не берут. То что чистое, я это точно гарантирую за каждым заводом, молоко никто грязное брать не будет, оно не нужно сейчас. Но вопрос то в том, что они будут делать, как им выгодно, то есть технологии будут менять, чтобы было менее затратное и приносило больше выгоды, то есть рентабельно. Соответственно, дома ориентируются на другое, на качество: полезно, вкусно — и ничего добавлять не будем, ничем подкрашивать не будем. Поэтому обществу сейчас, да, многие спрашивают, звонят, чем пакет молока покупать, просят масло, собственно так.

Интервьюер: Скажите, пожалуйста, насколько для жителей региона доступны безопасные и качественные продукты питания?

Эксперт: Как Вам сказать, это же, опять-таки, если Вы считаете те продукты, которые выращены, они все (на порядок) дороже. Яйцо фермерское дороже, чем яйцо в «Магните» будет или в «Монетке», понятно, если сходишь на Михайловский или Центральный рынок Тюмени, то всё станет на свои места сразу. Насколько доступны, они не должны быть уж так доступны, как курочка из магазина, это моё мнение. Потому что затраты, вложенные в те же бройлеры, которых ты выращиваешь дома, — это очень дорогое удовольствие. И корма дорогие, а корма нужны только качественные, чем попало его не накормишь. Что касается мяса. Что касается молочной продукции, того же масла, — та же самая история, то есть если завод могут приготовить из сливок, то как они готовят, технология их такова: сливки при большой температуре, они их прогрели, потом они их охладили, и получилось масло. То мы-то взбиваем, там способы и подходы совершенно разные. Поэтому и вкус разный. И это правильно, это во всем мире так, фермерская продукция дороже, и это правильно, а производства, взять птицефабрику — у них просчитано: растят, например, бройлера 8 недель, усиленно его кормят и потом быстренько его в магазин. Вот это здоровое питание, эта мода, чтобы нигде не было жирники, — очень удивительно, здоровое животное не может быть худым, я хочу сказать, почему-то все уверены, что оно должны быть синим и жира не должно быть. Я никогда не куплю мясо на рынке, если я в Тюмени. Если у меня нет своего, то я никогда не куплю вот этот синий кусочек, потому что ничего там в нем нет здорового. Есть у нас там ландрасы поросята, это другая уже история. Совершенно другая, поэтому всё правильно, доступными быть не должно, но купить-то может каждый, можно купить 10 кг, а можно купить 2 кг.

Интервьюер: Можете привести примеры успешных предприятий/организаций в сфере социального предпринимательства или успешных социальных проектов в сельских поселениях?

Эксперт: Я не могу таких примеров привести.

Интервьюер: И у Вас таких инициатив не было?

Эксперт: У нас есть такой, знаете, задел на будущее, у нас есть храм на территории нашего села, храм считается, будучи памятником архитектуры, в 2004 году

мы этого дружно добились, в 2006 году общими усилиями мы его накрыли, крыша появилась, хотя не такая была красивая; храм очень уникальный, храм построен по типу древнерусских храмов, есть такие мысли, не просто мысли, должны, мы обязаны в будущем. Что касается каких-то других социальных проектов, правда я про них ничего не знаю. Есть какие-то волонтеры, где-то в школе есть, я не видела, я не знаю, может, где-то и есть. Такое волонтерское движение, какое я вижу в Тюмени, например, будучи в Тюмени, я их вижу. У нас в селе я их не вижу, не могу придумать, может, они как-то значатся, но я не вижу их.

Интервьюер: Может, какие-то молодежные организации есть?

Эксперт: На территории нашего поселения этого я не видела, а в районном центре — там ну да, там есть, здесь нет.

Интервьюер: Как Вы думаете, что препятствует у Вас в селе проводить социальные проекты?

Эксперт: Я думаю, что отсутствие понимания и образования людей, кто бы этим занимался, кто этим на селе может заниматься? либо школа, либо, наверное, дом культуры. Низкий уровень образования работников. Если работники дома культуры нигде не учились, абсолютно, а работают только потому, что они работают — кому-то надо работать, а кто поедет? никто не приедет после Института культуры, кто-то должен работать, вот поэтому так и происходит. Это мое мнение.

Интервьюер: Как Вы думаете, инициативные граждане могут получить поддержку со стороны органов власти или муниципальных органов?

Эксперт: ...Я не хочу этим заниматься и мало в этом понимаю, потому что я просто работаю. Просто работаю и всё. Мне никто особо не помогает.

Интервьюер: Есть мнение, что на селе работают особые люди. Насколько Вы согласны с этим утверждением?

Эксперт: Обычные люди работают на селе, никакая тут не особая порода, работают и работают.

Интервьюер: Ничем они не отличаются?

Эксперт: Абсолютно ничем, я приезжаю в Тюмень, и я часто нахожусь в Тюмени, с субсидиями разбираться уеду, буду жить целую неделю, дней 10 в Тюмени, общаюсь, у меня там очень много знакомых — чем я от них отличаюсь? Да ничем. Да ничем я от них не отличаюсь.

Интервьюер: Может, как минимум трудолюбивостью?

Эксперт: Не знаю, не замечала. Ничего не могу сказать. Единственное — мне не нравится в компаниях быть. С кем ни встретишься — начинают кто-то что-то просить сразу, понимаете, одному мясо надо, другому масло. Вот это вот напрягает иногда просто. Я говорю, можно просто поговорить. Можете ничего — смеюсь, конечно, — можете без вот этих вот загрузов, заказов своих. А так всё нормально, и не скажу, чем отличаемся. Ничем, просто встаешь — делаешь, встаешь — делаешь, надо, значит надо. Всё так, это в городе тоже люди работают, все же работают, кто работает, тот работает. Мое мнение, никакой особенности нет, всё нормально.

Интервьюер: Как Вы считаете, как вовлечь людей в активную социальную и экономическую жизнь сельской территории, где Вы живете?

Эксперт: Нужно законодательство, как было раньше, раньше — я имею в виду, наверное, временной отрезок как Советский Союз — нужно всех заставить работать. Люди должны работать, должен быть закон, который должен регулировать, тунеядство — оно должно быть наказуемо. У нас есть категории людей, которые живут на пособие детей, на какие-то там льготы, работать не хотят абсолютно, и если обязать работать, то они будут работать, а что делать им останется.

Интервьюер: А может, их замотивировать?

Эксперт: Замотивировать? Это и будет мотивация: если тебя накажут, если тебя привлекут, значит, ты пойдешь работать. А замотивировать, понимаете, как Вам сказать, есть категории людей, например, категория алкоголиков, как Вы ее мотивировать предлагаете? Им платишь больше — они больше пьют. У нас есть такие люди, которые могут работать очень хорошо, но если запили — они как работали, так и пить будут. Как его замотивируешь? нет, не работает. Не работает это, мотивация здесь не работает. Мотивация работает на адекватных людях, понимаете, а есть категории совершенно неадекватных людей. Я считаю, что нужны рычаги от государства, которые обязывать должны работать.

Интервьюер: Обязательный закон, Вы считаете, нужен?

Эксперт: Я считаю, обязательный, этот закон должен быть обязательным, чтобы не сидела женщина, например, за спиной у своих деточек, и «я за детей получаю, я работать не пойду», в итоге ты выбираешь деньги, эти детские — детям дают, дарят, это мое мнение. Я ведь знаю такие семьи, у нас деградация происходит в том плане, что ради вот этих социальных пособий семьи не расписываются, со своими мужьями, женами не расписываются, чтобы быть матерью-одиночкой в статусе, а отцы не дают фамилию и отчество своим детям — и это страшно. Это дико, но это есть. Я знаю такие семьи, когда живут уже по 20 лет вместе, детей записывают на отчество своего отца, не дает отец фамилию детям, и она как мать-одиночка с тем, чтобы ей получать пособие. Это страшно. Институт семьи, где он? Это трансформация сознания какого-то просто, психологии, то есть ломка из-за пособий. Я говорю: институт семьи разрушается, всё в голове [перемешивается], как можно. Я спрашиваю: как мог ты — отец — не дать своему сыну свою фамилию из-за каких-то денег, ты что, их заработать не можешь? Он мне говорит: их так заплатят... И это нехорошо, это плохо очень. Он должен работать, мужчина должен работать, и он обязан не допустить такой ситуации, сейчас видите, как это всё искажается, преломляется. Вот это плохо. Нужно законодательство, которое бы сейчас дает пособие, поддерживать. А ничего не поддерживают, у нас есть такая доярочка, она получила за трех детей 30 тысяч, она говорит: «Я работать не буду». Я говорю: «Как это ты работать не будешь?» Она: «Пока пособие дают, я буду дома сидеть». То есть это не на поддержку детям дается, а это она берет для себя. То есть детям что перепадет или нет, а я могу не работать, я могу себе это позволить теперь.

Интервьюер: Как Вы думаете, какие профессиональные качества наиболее важны для работника Вышей компании?

Эксперт: Да так же, как и любой компании: профессионализм должен быть, знания должны быть, навыки работы своей, просто вот эти знания, доведенные до автоматизма.

Интервьюер: А какие личностные характеристики можете отметить?

Эксперт: Как у любого нормального человека, ориентированного на честность, порядочность.

Интервьюер: Сейчас цифровизация развивается, она отразилась на Вашем предприятии? Она требует от работников освоения новых компетенций?

Эксперт: А как же не требует, у нас даже элементарно разобраться в доильном оборудовании. В доильном оборудовании, в оборудовании, которое охладители эти все, ну а как? <...> Она должна и обязана уметь включать/выключать тот же охладитель, а он, я вас уверяю, не так уж и прост, как кажется на первый взгляд, промывать систему, понимать, что ты делаешь, кислоту/щелочь, чтобы это чисто было. Это всё автоматизировано, они руками ничего не делают, это всё автоматически промывается, просто нужно загнать раствор, но ты же должен понимать, что ты делаешь, ремонтировать [уметь], вчера вот целый день ремонтировали: чистили, мыли, ремонтировали систему молокопровода. Поэтому тоже навозоудаление, казалось бы, навозоудаление — это тоже система, навоз же руками никто не таскает, всё уходит через навозоудаление. Поэтому, конечно, это требует определенных знаний. Привели человека с улицы, он не подоит сразу корову, и даже навоз за ней не уберет, потому что надо уметь, чтобы молоко попало в молокопровод.

Интервьюер: Документооборот у Вас в электронном виде ведется?

Эксперт: Да, мы работаем в 1С, я пробовала с консалтингом, но не очень мне этот опыт понравился. Поэтому сейчас перешли, в БИСе работаем, отправляем отчеты 1С предприятию.

Интервьюер: Можете назвать наиболее перспективные направления развития места, где Вы живете/работаете? Какая сфера АПК, на Ваш взгляд, развивается лучше? Что этому способствует?

Эксперт: Я считаю, то, чем мы занимаемся — это наиболее перспективно. Единственное, хочу разбавить, когда через 5 лет я буду уже гораздо старше, чем я сейчас, поэтому я бы хотела в сторону своей старости уходить от молочного животноводства к мясному. Потому что оно всё-таки менее, как мне кажется, хлопотное, меньше там трудовых ресурсов, меньше людей работает. Я тогда могу просто куда-то отъезжать элементарно, не каждое утро рано утром вставать, как сейчас мы встаем, рано утром, каждое утро, поздно ложимся. Поэтому я считаю, самое такое для нашей местности — это молочное, как вспомогательное, может быть, птицеводство, эта моя любовь к птицам, я птиц очень люблю всяких-разных.

Интервьюер: Давайте поговорим об образе будущего. Каким Вам видится будущее поселения, где Вы живете и работаете, например, лет через 5-10?

Эксперт: Через 5-10 лет, я не думаю, что что-то изменится кардинально пока, я думаю, оно останется в той же паре, будем надеяться; самое страшное, что пугает — это снижение населения, смертность рождаемость превышает, потому что у нас больше населения всё-таки пожилого и старого. Но нашу территорию отличает, именно наше поселение отличает, что у нас очень много долгожителей, это как-то так интересно выделяется, почему, не знаю. Потому что мои бабушка с бабушкой умерли, им было по 83 года, и все говорили, что они молодые, а вот их ровесники сейчас. Недавно умерла бабушка моей ровесницы, им 93-94 лет, то есть у нас так люди доживают спокойно, 98 лет вот умерла бабушка, родственница наша баба Марина, она умерла у 2016 году, а она с 1918 года. Я говорю, ей 100 лет без 2 лет было, то есть, понимаете, как-то люди так доживают. И это тоже не может не радовать. Поколение, конечно, ухватило лихо, тем не менее люди живут долго. У них-то, конечно, питание было правильным, они умели вот, старики, они питались. Мои деды питались правильно, то, что мы привыкли кушать на ужин, у них завтрак состоял из котлет и так далее, на ужин каша была. Всё наоборот, я всегда считала. А теперь я понимаю, что это правильный был вариант питания, это первое. Второе, значит, что может быть на территории, на территории может быть еще меньше, если так будем развивать, закона регулирующего не будет и люди будут не работать, то есть это будет дальше-дальше заходить в тупик. К чему это будет приводить? наше соседство с Казахстаном приводит к пьянству повышенному, потому что водка, которая привозится из Казахстана, мы тут в приграничной зоне, хорошо, сейчас всё закрыли, но водкой так и торгуют. Бутылка водки стоит 100 рублей, соответственно, она очень доступна, и, соответственно, у нас такой, сказать, что большой-большой процент, но определенная прослойка людей, которая этим увлекается, еще производит детей, то есть молодые. И это пугает, вот это пугает, вот это настораживает развитие территории. Что касается хозяйства — хорошо, если так будем развиваться, пусть будет так, как сейчас, дай Бог удержаться, нас это всё устраивает. Что касается других наших дружеских хозяйств, с которыми мы дружим с других территорий, с соседями, то я думаю, что эти проблемы — они будут и в дальнейшем, но хозяйства тоже сохранятся, потому что у нас же есть наработки, опыт, его же никуда не заберешь, не выбросишь уже, и перестраиваться в этом возрасте уже сложно. Надо продолжать так вот, сложно быть универсальным вот таким вот человеком. Но если уже втянулись, взялись, то, наверное, надо продолжать.

Интервьюер: Как Вы думаете, что или какие процессы могут обеспечить устойчивое развитие сельской территории?

Эксперт: Была какая-то ипотека, я слышала краем уха, Россельхозбанк давал для строительства, если это только правда, в сельской местности. Если бы давали вообще бесплатно — и строиться начинали в сельской местности, именно в тех селах. Вот у нас в селе есть всё: газ у нас есть, дорога у нас есть, очень хорошая дорога, просто отличная, не хуже тюменских, дом у нас благоустроенный, я не понимаю, почему не жить здесь, что плохого. Ничего не могу понять. Порой я ничего не понимаю. Конечно, нужны деньги, чтобы это содержать. Коммуналка выходит не дешевле тюменской. Я хочу сказать, все эти

удовольствия — ну а что, это же тоже шаг вперед, правильно, что вот так человек в деревне может жить на таком уровне? Мне кажется, нужна программа, которая бы стимулировала строительство жилья на селе.

Интервьюер: А в Вашем регионе Вы можете еще что-то отметить, какой-то процесс, который способствует развитию?

Эксперт: У нас сейчас нормально, на сегодня, я знаю, выдают снова агро-стартапы вот эти: «начинающий фермер» программа — это ведь не мертвая программа, это нормальные такие, реальные, помощь человеку развиваться. И я разговариваю со многими, кто хотел бы, но никто за это не берется, потому что говорят: проверки и отчеты — все этого боятся. То есть вот эти программы, которые уже сегодня есть, которые нужно отработать, должны доходить до тех людей, которые будут работать. Вот это бы здорово было. Многие начали бы, открыли свое дело, не всем же держать 200 коров, правильно, или 300 голов. Можно кому-то и 3 коровы держать, и 5 коров держать, а кому-то можно тепличное хозяйство сделать, рассады выращивать, а кто-то будет вкусные помидоры поставлять, может же такое быть. Это было бы хорошо и очень здорово, если такие программы были, были точечными, целевыми и доходили именно, не душили отчетами бешеными, хотя это государственные деньги, за них тоже нужно отчитаться ведь. Я всем говорю, а как Вы хотели? Деньги государственные, и все должны быть четко уверенными, что они дошли по назначению, но что здесь страшного? приезжайте и смотрите. Потратили, у нас есть это и это. И я считаю, что этих программ в разных суммах. Нынче говорят уже о 5 млн рублей агро-стартап, год назад он был три миллиона, но должны быть какие-то еще изменения небольшие в программе. И очень бы было хорошо, если это было семейное дело. У меня есть положительный пример, потому что мы не сельскохозяйственники, по образованию не сельскохозяйственники, нам пришлось лопатить всё. В этом плане мы не есть хороший пример, но вот так сложилось, куда деваться-то, мы же обучаемые, поэтому это очень хорошо бы было, если вот это точно доходило и была такая поддержка. Существовала, жаль, что убрали вот эту поддержку на заготовку кормов кооперативам. Я думаю, как-то и ЛПХ нужно помогать в этом плане. Наладили закупку молока, неплохо бы было отрегулировать этот процесс заготовки кормов, чтобы отдача больше было.

Интервьюер: Большое спасибо за это интервью. Вы показали достаточно рельефную картину Вашей жизнедеятельности, Вашей работы, ключевых проблем, отношений с властными структурами, возможности развития Вашего села и сельской территории в целом.

Если следовать характеристике О. Б. Божкова и С. Н. Игнатова, то перед нами почти идеальный тип «самодостаточного предпринимателя», который отражает оптимальный вариант сохранения и развития сельскохозяйственного производства и территории. Такой предприниматель практически независим от районного руководства, ведет прибыльное производство даже в условиях отсутствия серьезной государственной помощи и дотаций. Именно такие

хозяйства являются опорой экономики района. Из интервью можно сделать вывод, что отношения «самодостаточного предпринимателя» с администрацией района сложились не очень успешно (ввиду не слишком почтительного к нему отношения из-за отсутствия уважения), однако самое главное — эффективное текущее руководство собственной фермой.

В данной статье специально приведен полный текст одного из 50 интервью для того, чтобы оценить и понять представленность реального состояния дел в развитии сельского предпринимательства и сельской территории, например, тех людей, кто отлично работает.

В соответствии со статистическими данными, за последние 9 лет в Тюменской области (без автономных округов) наблюдается достаточно устойчивое воспроизводство практически по всем компонентам продукции сельского хозяйства (таблица 1).

Обсуждение и выводы

На примере юга Тюменской области можно сказать, что в настоящее время в российском АПК обеспечивается доступность к продуктам сельского хозяйства для населения, имеется необходимое количество продовольственной продукции за счет собственных ресурсов. А если будут устранены негативные факторы, влияющие на продовольственное обеспечение страны в целом, то возможно ожидать устойчивый рост.

К благоприятствующим условиям решения продовольственной проблемы относятся такие как продовольственное самообеспечение регионов, имеющих в бюджете для этого необходимые средства; наличие аграрной сферы, которая укрепляет это продовольственное самообеспечение при введении механизма взаимодействия между субъектами регионов; развитие диверсификационных видов агропредпринимательской деятельности. Особое значение для реализации стратегий развития сельских территорий разных типов имеют следующие факторы: количество сельского населения и уровень его доходов; наличие активно функционирующих организаций АПК; эффективное использование земельных, лесных, водных, минерально-сырьевых ресурсов; развитие межбюджетных отношений между органами местного самоуправления разных уровней, сельскохозяйственной потребительской и кредитной кооперации. Высокую значимость имеет постановка стратегических целей, главная из которых — улучшение качества жизни сельского населения [11].

В данной статье ставилась и была решена задача концептуализации особенностей сельской жизни с точки зрения мировых контекстов для понимания возможного будущего развития сельской территории. Использованы идеи классической и современной научной литературы по сельским сюжетам, теоретико-методологические подходы, доминирующие в мире. Применяемый научный подход основан на интеракционистской теории, социальном конструкционизме, опирается на растущий статус качественных методов, применяемых не только в сельской социологии, но и в социальной географии.

Был представлен пример нарратива, предлагающий широкую панораму практики сельской жизнедеятельности представителя предпринимательства.

Таблица 1
Динамика показателей сельского хозяйства Тюменской области (без автономных округов)

Показатели/годы		2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
1		2	3	4	5	6	7	8	9	10
Продукция сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий (в фактически действовавших ценах), млн руб.		39 430	48 784	45 836	48 646	57 264	60 922	63 464	64 577	65 005
Посевная площадь всех сельскохозяйственных культур в хозяйствах всех категорий, тыс. га		1 076,3	1 089,3	1 100,4	1 090,3	1 093,9	1 083,1	1 069,4	1 057,9	1 067,1
Структура посевных площадей сельскохозяйственных культур в хозяйствах всех категорий, в процентах от всей посевной площади:										
зерновые и зернобобовые культуры		65,8	65,8	63,6	63,7	63,8	64,0	65,1	64,9	63,0
технические культуры		1,8	4,0	6,5	6,6	6,1	6,3	5,1	4,0	4,6
картофель и овощебахчевые культуры		2,7	2,7	2,6	2,5	2,4	2,3	2,3	2,2	2,1
кормовые культуры		29,8	27,5	27,2	27,1	27,7	27,4	27,5	28,9	30,3
Поголовье скота в хозяйствах всех категорий (на конец года), тыс. голов:										
крупный рогатый скот		255,6	256,4	253,9	245,6	239,4	237,2	244,2	248,7	248,0
в том числе коровы		116,9	116,1	112,4	106,2	101,8	98,6	99,3	101,8	101,0
свиньи		331,6	325,5	341,1	328,9	303,7	300,8	293,7	271,5	280,4
овцы и козы		121,5	128,0	135,9	136,2	141,7	141,5	139,5	142,8	144,5

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Производство в хозяйствах всех категорий, тыс. тонн:									
зерно (в весе после доработки)	1 232,7	1 922,4	1 273,7	1 335,4	1 487,9	1 338,5	1 288,2	1 587,8	1 340,8
картофель	466,5	544,6	488,2	482,6	461,0	423,2	398,1	424,9	435,3
овощи	147,8	176,3	134,4	123,0	114,1	120,7	120,3	126,8	125,1
скот и птица на убой (в убойном весе)	101,7	103,7	105,8	107,7	107,1	102,6	102,2	102,0	112,9
молоко	571,1	572,7	567,0	544,1	531,9	522,5	511,7	519,4	542,9
яйца, млн шт.	1 335,9	1 363,7	1 388,3	1 391,2	1 412,4	1 410,5	1 337,6	1 522,7	1 526,3
Индекс производства продукции сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий, в процентах к предыдущему году	95,3	112,7	88,5	99,3	99,0	96,6	98,5	105,2	100,0

Source: [19, pp. 544-545].

Источник: [19, с. 544-545].

В целях глубокого проникновения в методологические проблемы сельской жизни и их концептуального переосмысления в современных реалиях применен авторский подход для реинтерпретации идей четырех классиков — Ф. Тённиса, Г. Зиммеля, У. Томаса и Ф. Знанецкого, которые заложили базовые основы сельской теоретической и эмпирической социологии. Изыскания классиков продолжили другие западные социологи, однако поиски социологического определения понятия «сельский» или «сельская местность» (definition of rural), по мнению Г. Ньюби, не принесли весомых результатов.

В сельских исследованиях обществ, как и в других областях социальной науки, всё шире признается «кризис», который обозначен как «новый культурный поворот». Теоретический анализ зарубежных практик развития сельских территорий показал, что выход сельской социологии из сложившегося тупика видится в целостной концепции общества, в рамках которой сельская местность и сельское население должны быть размещены в целостном научном континууме. И, как следствие, разрабатываемые новые теории, связывающие социальную структуру и культуру с пространственной структурой сельских территорий. В частности, в основе теоретической социологии Э. Эбботта лежат события, включенные в социальное время и социальное пространство как своего рода темпоральное измерение [31].

В данной статье представлены первые результаты полевых исследований 2020 г. в рамках проекта, нацеленного на изучение институциональных факторов и форм развития сельских территорий юга Тюменской области. Выявлено, что имеет значение оценка актуальных проблем и перспектив функционирования двух значимых социальных институтов российского села — местной власти и бизнеса (предпринимательства), рассматриваемых с точки зрения доминирующих сценариев взаимодействия, их интересов, ключевой роли в воспроизводстве, сохранении и обеспечении устойчивости сельских территорий. Фундаментальная проблема нашего проекта — выявление и оценка состояния и перспектив функционирования значимых институтов российского села с точки зрения доминирующих сценариев их взаимодействия, которые определяют и будут определять их собственную ключевую роль в стабилизации и воспроизводстве сельских территорий. Анализ практик согласования интересов местной власти и предпринимательства на локальном (муниципальном) уровне весьма важен для понимания всей логики развития и функционирования нынешних институциональных структур, а также прогнозирования их дальнейшего развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белова Т. Н. Процессы импортозамещения в агропродовольственной сфере / Т. Н. Белова // Экономика региона. 2019. Том 15. № 1. С. 285-297.
2. Блинова Т. В. Демографические угрозы и ограничения развития сельских территорий России / Т. В. Блинова // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2018. № 2 (71). С. 14-18.

3. Божков О. Б. Тенденции развития сельских районов России: постановка исследовательской задачи и первые результаты повторного кейс-стади / О. Б. Божков, И. В. Троцук // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2018. Том 18. № 4. С. 731-746.
4. Божков О. Б. Региональные практики взаимодействия бизнеса и власти (на примере Северо-Запада РФ) / О. Б. Божков, С. Н. Игнатова // Крестьяноведение. 2017. Том 2. № 1. С. 116-129.
5. Вегрен С. Парадоксы развития личного подсобного хозяйства в современной России / С. Вегрен, И. В. Троцук // Крестьяноведение (Russian Peasant Studies). 2019. Том 4. № 4. С. 22-49.
6. Виноградский В. Г. Экология сельского мира глазами крестьян / В. Г. Виноградский, О. Я. Виноградская // Крестьяноведение. 2019. Том 4. № 1. С. 70-97.
7. Виноградский В. Г. Крестьянские устные повести: опыт дискурсивного чтения / В. Г. Виноградский // Мир России. 2018. Том 27. № 1. С. 90-113.
8. Виноградский В. Г. Формы неформальности: невидимая экономика крестьянского двора / В. Г. Виноградский // Крестьяноведение. 2017. Том 2. № 2. С. 101-120.
9. Виноградский В. Г. Поколенческие трансформации сельских сообществ: элементы, формы, перспективы / В. Г. Виноградский // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2016. № 1 (60). С. 58-62.
10. Виноградский В. Г. Крестьянский мир в дискурсе поколенческой печали / В. Г. Виноградский // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 82-91.
11. Воронин Б. А. Стратегия развития самообеспеченности отечественной агропродукцией как залог успешного выполнения доктрины продовольственной безопасности / Б. А. Воронин, И. П. Чупина, Я. В. Воронина, Ю. Н. Чупин // Аграрный вестник Урала. 2019. № 2 (181). С. 53-57.
12. Гесиод. Полное собрание текстов. Поэмы «Труды и дни» и другие / пер. фрагментов О. П. Цыбенко, вступ. ст. В. Н. Ярхо, комм. О. П. Цыбенко и В. Н. Ярхо. (Серия: Античное наследие). М.: Лабиринт, 2001. 256 с.
13. Государственная программа Тюменской области «Развитие агропромышленного комплекса» на 2013-2020 годы // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/423908104> (дата обращения: 21.08.2020).
14. Государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий» на 2020-2025 гг. // Портал госпрограмм РФ. URL: https://programs.gov.ru/Portal/pilot_program/48/passport (дата обращения: 28.08.2020).
15. Нарыкова Н. М. Аграрная социология Флориана Знанецкого: зарождение «польской традиции» в крестьяноведении / Н. М. Нарыкова, Н. М. Яковкина // Вестник Ставропольского государственного университета. 2004. № 39. С. 42-47.
16. Никулин А. М. Сельское развитие Финляндии: взаимодействие государства, фермеров и науки (возможные уроки для России) / А. М. Никулин, И. В. Троцук // Мир России. Социология. Этнология. 2014. Том 23. № 3. С. 67-94.
17. Окладникова Е. А. Образы будущего села: мнение сельских предпринимателей Нечерноземья / Е. А. Окладникова, А. В. Воронцов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. Том 13. № 3. С. 292-314.
18. Падерин А. С. Тенденции и перспективы преобразований в АПК региона (на примере юга Тюменской области) / А. С. Падерин, С. А. Пахомчик // Аграрный вестник Урала. 2010. № 6 (72). С. 12-14.

19. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2019: стат. сб. / Росстат. М., 2019. С. 544-545. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b19_14s/Main.htm (дата обращения: 14.08.2020).
20. Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016. 368 с.
21. Стил К. Голодный город: как еда определяет нашу жизнь / К. Стил; [пер. с англ. М. Коробочкина]. М.: Издательский дом: Институт медиа, архитектуры и дизайна «Strelka Press», 2016. 453 с.
22. Тённис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / Ф. Тённис; пер. с немецкого Д. В. Складнева. СПб.: Владимир Даль, 2002. С. 9-11.
23. Троцук И. В. Справедливость в социологическом дискурсе: семантические, эмпирические, исторические и концептуальные поиски / И. В. Троцук // Социологическое обозрение. 2019. Том 18. № 1. С. 218-249.
24. Троцук И. В. Трактовки и способы измерения продовольственной безопасности в современной России: дискурсивные и реальные противоречия / И. В. Троцук, А. М. Никулин, С. Вегрен // Мир России. 2018. Том 27. № 1. С. 34-64.
25. Троцук И. В. Биологическое, социальное и моральное в объяснении логики истории, или стоит ли искать крестьянина в современном мире / И. В. Троцук // Крестьяноведение. 2018. Том 3. № 2. С. 155-179.
26. Троцук И. В. Дискурсивное конструирование социальной реальности: концептуальные основания и эмпирические приемы разоблачения «скверных» практик / И. В. Троцук // Социологическое обозрение. 2014. Том 13. № 2. С. 206-224.
27. Урри Дж. Мобильности / Дж. Урри; пер. с англ. А. В. Лазарева, вступ. статья Н. А. Харламова. М.: Праксис, 2012. 576 с.
28. Устойчивое развитие сельского хозяйства и сельских территорий. Зарубежный опыт и проблемы России / отв. ред.: Н. Ф. Глазовский, А. В. Гордеев, Г. В. Сдасюк. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005. 614 с.
29. Филиппов А. Ф. Социология пространства / А. Ф. Филиппов. СПб.: Владимир Даль, 2008. 271 с.
30. Шагайда Н. И. Продовольственная безопасность в России: мониторинг, тенденции и угрозы / Н. И. Шагайда, В. Я. Узун. М.: Издательский дом «Дело» Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации (РАНХиГС), 2015. 110 с.
31. Abbott A. Time Matters: On Theory and Method / A. Abbott. Chicago: University of Chicago Press, 2001. 296 p.
32. Buttel F. H. Rural Sociology of the Advanced Societies: Critical Perspectives / F. H. Buttel, H. Newbly. Rowman & Littlefield, 1980. 529 p.
33. Cloke P. Handbook of Rural Studies / P. Cloke, T. Marsden, P. Mooney. Thousand Oaks: Sage Publications Inc, 2006. 528 p.
34. Crisis and Post-Crisis in Rural Territories. Social Change, Challenges and Opportunities in Southern and Mediterranean Europe / F. N. Döner, E. Figueiredo, M. J. Rivera (eds.). Springer International Publishing, 2020. 214 p.
35. Handbook of Rural Development / G. P. Green (ed.). Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA: Edward Elgar Ltd, 2014. 384 p.
36. Hesiod: The Homeric Hymns and Homeric / E. White, G. Hugh (eds.). California: CreateSpace Independent, 2014. 714 p.

37. Hillyard S. *The Sociology of Rural Life* / S. Hillyard. Oxford; New York: Berg, 2007. 204 p.
38. Jaffe J. *Rural sociology* / J. Jaffe, M. Gertler // *The Cambridge Handbook of Sociology* / K. O. Korgen (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2017. Pp. 435-444.
39. Keil R. *Urban political ecology* / R. Keil // *Urban Geography*. 2003. No. 24 (8). Pp. 723-238.
40. Keil R. *In-Between Mobility in Toronto's New (Sub)urban Neighbourhoods. Mobilities and Neighbourhood Belonging in Cities and Suburbs* / R. Keil, D. Young. London: Palgrave Macmillan, 2014. Pp. 201-221.
41. Lowe P. *The Differentiated Countryside* / P. Lowe, T. Marsden, J. Murdoch, N. Ward. London; New York: Routledge, 2012. 190 p.
42. Merton R. K. *The Thomas Theorem and The Matthew Effect* / R. K. Merton // *Social Forces*. 1995. December. Vol. 74. Iss. 2. Pp. 379-424.
43. Newby H. *Urbanization and the rural class structure: reflections on a case study* / H. Newby // *The British Journal of Sociology*. 1979. Vol. 30. No. 4 (Special Issue). Pp. 475-499.
44. Newby H. *Rural sociology* / H. Newby // *Current Sociology*. 1980. No. 28 (1). Pp. 1-117.
45. Pahl R. E. *Are all communities in the mind?* / R. E. Pahl // *Sociological Review*. 2005. No. 53 (4). Pp. 621-640.
46. Ritzen G. *Sociological Theory* / G. Ritzen. New York: McGraw-Hill, 2011. 652 p.
47. Simmel G. *On Individuality and Social Forms* / G. Simmel; D. Levine (ed.). Chicago: Chicago University Press, 1971. 412 p.
48. Simmel G. *The metropolis and mental life* / G. Simmel // *The Sociology of Georg Simmel* / K. H. Wolff (ed.). New York: The Free Press, 1978. Pp. 409-427.
49. *The Bloomsbury Handbook of Food and Popular Culture* / K. Lebesco, P. Naccarato (eds.). London, UK; New York: Bloomsbury Academic, 2018. 368 p.
50. *The Cambridge Handbook of Sociology* / K. O. Korgen (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 538 p.
51. Thomas W. I. *The Child in America: Behavior Problems and Programs* / W. I. Thomas, T. D. Swaine. New York: Alfred A. Knopf, 1928. 583 p.
52. Thomas W. I. *The Polish Peasant in Europe and America: in 5 vols.* / W. I. Thomas, F. Znaniecki. Boston: Richard G. Badger, 1918-1920.
53. Watt P. *Mobilities and Neighbourhood Belonging in Cities and Suburbs* / P. Watt, P. Smets. London: Palgrave Macmillan, 2014. 258 p.
54. Urry J. *Sociology Beyond Societies: Mobilities for the 21st Century* / J. Urry. London: Routledge, 2000. 272 p.
55. Urry J. *Mobilities* / J. Urry. Cambridge: Polity Press, 2007. 336 p.
56. Urry J. *Mobilities and social theory* / J. Urry // *The New Blackwell Companion to Social Theory* / B. S. Turner (ed.). Chichester: Wiley-Blackwell, 2009. Pp. 477-495.

Vladimir A. DAVYDENKO¹

Elena V. ANDRIANOVA²

Marina V. KHUDYAKOVA³

UDC 316.4

**CONTEMPORARY WORLD CONTEXTS
OF RURAL SOCIOLOGY
IN THE RUSSIAN RURAL LIFE REALITIES***

¹ Dr. Sci. (Soc.), Professor, Head of the Research Center,
Institute of Finance and Economics, University of Tyumen
vlad_davidenko@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8389-4254

² Cand. Sci. (Soc.), Head of Department of General and Economic Sociology,
Institute of Finance and Economics, University of Tyumen;
Senior Researcher, West-Siberian Branch of the Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences (Tyumen)
e.v.andrianova@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-7769-9206

³ Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor,
Department of General and Economic Sociology,
Institute of Finance and Economics, University of Tyumen
m.v.khudyakova@utmn.ru; ORCID: 0000-0001-5280-2935

Abstract

This article critically introduces the sociology of rural areas through rethinking and reinterpreting contemporary world contexts of rural sociology and factual representation of the Russian rural life, applying qualitative methods of analyzing in-depth interviews with Tyumen Region's south residents. The authors employ theoretical and methodological approaches,

* The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research within the project No. 20-011-00087 "Institutional Factors and Forms of Rural Development".

Citation: Davydenko V. A., Andrianova E. V., Khudyakova M. V. 2020. "Contemporary world contexts of rural sociology in the Russian rural life realities". Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 6, no. 3 (23), pp. 79-129.
DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-3-79-129

mainly used in classical and modern academic literature on rural realities. The scientific approach of this article, alternative to the popular perspectives of political economy and sociology of postmodernism, is based on compounding the interactionist theory and social constructionism with economic sociology, and relies on the growing status of qualitative methods used not only in rural sociology, but also in social geography.

The case studies on contemporary rural life problems provide the foundation for discussion and criticism. This article also presents the first results of 2020 field research within the framework of a project aimed at studying institutional factors and forms of Tyumen Region south rural areas development. The authors prove the importance of assessing current problems and functioning prospects of the two most important Russian countryside social institutions — the local (municipal) government and business/entrepreneurship, which are considered through the dominant scenarios of their interests' interaction with reproduction, preservation, and sustainability of rural areas.

The authors' conclusions are drawn from theoretical and empirical results of generalization and conceptualization of rural life peculiarities, considered through the prism of sociological theories of the countryside and world contexts of this scientific field. This article focuses on illustrating rural areas adaptability and versatility to many external shocks, as well as on contributing to the discussion of the current challenges, problems and opportunities that are opening for rural sociology in the realities of modern Russian rural life. Recommendations, stemming from the current world agenda of rural sociology, propose a relatively new concept of rural politics, displaying the “placed-based” paradigm. The paradigm is to reduce the inequality and inefficiency in agricultural production by removing barriers and seeking opportunities in given locations (villages and small towns), especially those which lag behind more dynamic territories in key resources. In other words, these are the “territories of growth” (an increase in population density and yield, expansion or small reduction of farmland); “territories of stagnation” (a decrease in population density, farmland and yield); and “territories of contraction” (a decrease in population with a significant reduction in farmland and yield).

However, even for these highly generalized socio-spatial characteristics, there is only approximate information that does not allow classifying the scenarios of rural regions reproduction. Spatial dimension indicates the diversity principle of economic change and development. Adaptation of programs to eliminate disadvantages and enhance strengths of territories is likely to help achieving a high return on investment in rural policy through grants, loans, subsidies, subventions (State Program 2020-2025). Placed-based policies should have the greatest impact on lagging regions, reducing regional inequalities, facilitating regional convergence of rural areas. The concept of “territories of growth — stagnation — contraction” is not yet verified by large studies. Theoretical grounding of placed-based policies, originates from economic concepts, broadening them with spatial, cultural, social and institutional dimensions. There is evidence that the placed-based strategy will advance lagging regions and boost the country's economy. A social policy based on this concept can be a tool for rural areas development, ensuring the complementarity between efficiency and equity.

The scientific novelty of this research lies in the development of a conceptual-categorical scheme that demonstrates the interaction of various branches of government, agricultural actors of different levels and entrepreneurs as a result of their interests coordination. The interaction is presented in a form of impact that macro-actors have on micro- and meso- subjects at the local level, which is very important for tracking the formal-informal ratio in rural residents' lives.

Keywords

Sociology of rural areas, social geography, growing status of qualitative methods, theory of interactionism, social constructionism, neoinstitutionalism, economic sociology, institutional factors and forms of rural areas development, "placed-based" paradigm, "determining the situation", Thomas' theorem.

DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-3-79-129

REFERENCES

1. Belova T. N. 2019. "Processes of import substitution in the agri-food sector". *Economy of the Region*, vol. 15, no. 1, pp. 285-297. [In Russian]
2. Blinova T. V. 2018. "Demographic threats and restrictions on the development of rural areas in Russia". *Bulletin of the SGSEU*, no. 2 (71), pp. 14-18. [In Russian]
3. Bozhkov O. B., Trotsuk I. V. 2018. "Trends in the development of rural areas of Russia: setting a research problem and the first results of the repeated case study". *Bulletin of the Russian University of Friendship of Peoples. Series: Sociology*, vol. 18, no. 4, pp. 731-746. [In Russian]
4. Bozhkov O. B., Ignatova S. N. 2017. "Regional practices of interaction between business and government (on the example of the North-West of the Russian Federation)". *Russian Peasant Studies*, vol. 2, no. 1, pp. 116-129. [In Russian]
5. Wegren S., Trotsuk I. V. 2019. "The paradoxes of the development of private farming in modern Russia". *Russian peasant studies*, vol. 4, no. 4, pp. 22-49. [In Russian]
6. Vinogradsky V. G., Vinogradskaya O. Ya. 2019. "Ecology of the rural world through the eyes of peasants". *Russian Peasant Studies*, vol. 4, no. 1, pp. 70-97. [In Russian]
7. Vinogradsky V. G. 2018. "Peasant oral stories: the experience of discursive reading". *World of Russia*, vol. 27, no. 1, pp. 90-113. [In Russian]
8. Vinogradsky V. G. 2017. "Forms of informality: the invisible economy of the peasant household". *Russian Peasant Studies*, vol. 2, no. 2, pp. 101-120. [In Russian]
9. Vinogradsky V. G. 2016. "Generational transformations of rural communities: elements, forms, prospects". *Bulletin of the Saratov State Social and Economic University*, no. 1 (60), pp. 58-62. [In Russian]
10. Vinogradsky V. G. 2015. "The peasant world in the discourse of generational sadness". *Sociological Research*, no. 12, pp. 82-91. [In Russian]
11. Voronin B. A., Chupina I. P., Voronina Ya. V., Chupin Yu. N. 2019. "The strategy for the development of self-sufficiency in domestic agricultural products as a guarantee of successful implementation of the food security doctrine". *Agrarian Bulletin of the Urals*, no. 2 (181), pp. 53-57. [In Russian]

12. Tsybenko O. P. (transl.). 2001. Hesiod Complete Collection of Texts. Poems “Works and Days” and Others. Fragments translated by O. P. Tsybenko, introduction by V. N. Yarkho, commentaries by O. P. Tsybenko and V. N. Yarkho. (Series “Antique Heritage”). Moscow: Labyrint. 256 pp. [In Russian]
13. Electronic Fund of Legal and Normative and Technical Documentation. “State Program of the Tyumen Region ‘Development of the Agro-Industrial Complex’ for 2013-2020”. Accessed 21 August 2020. <http://docs.cntd.ru/document/423908104> [In Russian]
14. Portal of State Programs of the Russian Federation. “State Program ‘Integrated Development of Rural Territories’ for 2020-2025”. Accessed 28 August 2020. https://programs.gov.ru/Portal/pilot_program/48/passport [In Russian]
15. Narykova N. M., Yakovkina N. M. 2004. “Agrarian sociology of Florian Znanetsky: the origin of the ‘Polish tradition’ in peasant studies”. Bulletin of Stavropol State University, no. 39, pp. 42-47. [In Russian]
16. Nikulin A. M., Trotsuk I. V. 2014. “Rural development of Finland: interaction of the state, farmers and science (possible lessons for Russia)”. World of Russia. Sociology. Ethnology, vol. 23, no. 3, pp. 67-94. [In Russian]
17. Okladnikova E. A., Vorontsov A. V. 2020. “Images of the future village: the opinion of rural entrepreneurs in the Non-Black Earth Region”. Bulletin of St. Petersburg University. Sociology, vol. 13, no. 3, pp. 292-314. [In Russian]
18. Paderin A. S., Pakhomchik S. A. 2010. “Trends and prospects of transformations in the agro-industrial complex of the region (on the example of the South of the Tyumen Region)”. Agrarian Bulletin of the Urals, no. 6 (72), pp. 12-14. [In Russian]
19. Rosstat. 2019. The Regions of Russia. Main Characteristics of the Subjects of the Russian Federation. 2019. Moscow. Accessed 14 August 2020. https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b19_14s/Main.htm [In Russian]
20. Toshchenko Zh. T. (ed.). 2016. The Meanings of Rural Life (Experience of Sociological Analysis). Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing. 368 pp. [In Russian]
21. Steel K. 2016. Hungry City: How Food Shapes Our Lives. Translated from English by M. Korobochkin. Moscow: Strelka Press. 453 pp. [In Russian]
22. Toennies F. 2002. Community and Society. Basic Concepts of Pure Sociology. Translated from German by D. V. Sklyadnev. Saint Petersburg: Vladimir Dal. [In Russian]
23. Trotsuk I. V. 2019. “Justice in sociological discourse: semantic, empirical, historical and conceptual searches”. Sociological Review, vol. 18, no. 1, pp. 218-249. [In Russian]
24. Trotsuk I. V., Nikulin A. M., Vegren S. 2018. “Interpretations and methods of measuring food security in modern Russia: discursive and real contradictions”. World of Russia, vol. 27, no. 1, pp. 34-64. [In Russian]
25. Trotsuk I. V. 2018. “Biological, social and moral in explaining the logic of history, or is it worth looking for a peasant in the modern world”. Russian peasant studies, vol. 3, no. 2, pp. 155-179. [In Russian]
26. Trotsuk I. V. 2014. “Discursive construction of social reality: conceptual foundations and empirical methods for exposing ‘bad’ practices”. Sociological review, vol. 13, no. 2, pp. 206-224. [In Russian]
27. Urri J. 2012. Mobility. Translated from English by A. V. Lazarev, foreword by N. A. Kharlamov. Moscow: Praxis. 576 pp. [In Russian]

28. Glazovsky N. F., Gordeev A. V., Sdasyuk G. V. (ed.). 2005. Sustainable Development of Agriculture and Rural Areas. Foreign Experience and Problems of Russia. Moscow: KMK Press. 614 pp. [In Russian]
29. Filippov A. F. 2008. Sociology of Space. Saint Petersburg: Vladimir Dal. 271 pp. [In Russian]
30. Shagaida N. I., Uzun V. Ya. 2015. Food Security in Russia: Monitoring, Trends and Threats. Moscow: Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA). 110 pp. [In Russian]
31. Abbott A. 2001. Time Matters: On Theory and Method. Chicago: University of Chicago Press. 296 pp.
32. Buttel F. H., Newby H. 1980. Rural Sociology of the Advanced Societies: Critical Perspectives. Rowman & Littlefield. 529 p.
33. Cloke P., Marsden T., Mooney P. 2006. Handbook of Rural Studies. Thousand Oaks: Sage Publications Inc. 528 pp.
34. Döner F. N., Figueiredo E., Rivera M. J. (eds.). 2020. Crisis and Post-Crisis in Rural Territories. Social Change, Challenges and Opportunities in Southern and Mediterranean Europe. Springer International Publishing. vi, 214 pp.
35. Green G. P. (ed.). 2014. Handbook of Rural Development. Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA: Edward Elgar Ltd. 384 pp.
36. White E., Hugh G. (ed.) 2014. Hesiod: The Homeric Hymns and Homerica. California: CreateSpace Independent. 714 pp.
37. Hillyard S. 2007. The Sociology of Rural Life. Berg. Oxford, New York. 204 pp.
38. Jaffe J., Gertler M. 2017. "Rural Sociology". In: The Cambridge Handbook of Sociology, pp. 435-444. Cambridge University Press.
39. Keil R. 2003. "Urban Political Ecology". Urban Geography, no. 24 (8), pp. 723-238.
40. Keil R., Young D. 2014. In-Between Mobility in Toronto's New (Sub)urban Neighbourhoods. Mobilities and Neighbourhood Belonging in Cities and Suburbs. London: Palgrave Macmillan.
41. Lowe P., Marsden T., Murdoch J., Ward N. 2012. The Differentiated Countryside. London; New York: Routledge. 190 pp.
42. Merton R. K. 1995. "The Thomas theorem and the Matthew effect". Social Forces, December, vol. 74, no. 2, pp. 379-424.
43. Newby H. 1979. "Urbanization and the rural class structure: reflections on a case study". The British Journal of Sociology, vol. 30, no. 4, Special Issue, pp. 475-499.
44. Newby H. 1980. "Rural sociology". Current Sociology, no. 28 (1), pp. 1-117.
45. Pahl R. E. 2005. "Are all communities in the mind?". Sociological Review, no. 53 (4), pp. 621-640.
46. Ritzen G. 2011. Sociological Theory. McGraw-Hill, 652 pp.
47. Simmel G. 1971. On Individuality and Social Forms. Edited by D. Levine. Chicago: Chicago University Press. 412 pp.
48. Simmel G. 1978. "The Metropolis and Mental Life". In: Wolff K. H. (ed.). The Sociology of Georg Simmel, pp. 409-427. New York: The Free Press.
49. Lebesco K., Naccarato P. (eds.). 2018. The Bloomsbury Handbook of Food and Popular Culture. Bloomsbury Academic. 368 pp.
50. Korgen K. O. (ed.). 2017. The Cambridge Handbook of Sociology. Cambridge University Press. 538 pp.

51. Thomas W. I., Swaine T. D. 1928. *The Child in America: Behavior Problems and Programs*. New York: Alfred A. Knopf. 583 pp.
52. Thomas W. I., Znaniecki F. 1918-1920. *The Polish peasant in Europe and America: in 5 vols*. Boston: Richard G. Badger.
53. Watt P., Smets P. 2014. *Mobilities and Neighbourhood Belonging in Cities and Suburbs*. Palgrave Macmillan, London. 258 pp.
54. Urry J. 2000. *Sociology Beyond Societies: Mobilities for the 21st Century*. London: Routledge. 272 pp.
55. Urry J. 2007. *Mobilities*. Cambridge: Polity Press. 336 pp.
56. Urry J. 2009. "Mobilities and Social Theory". Turner B. S. (ed.). *The New Blackwell Companion to Social Theory*, pp. 477-495. Chichester: Wiley-Blackwell.